

И тринадцать белых карликов

Ольга Арзамасцева

Annotation

Через тысячу лет после нашего времени Земля не только брошена людьми, но и охраняется автономной системой безопасности, дабы враги народа не воровали старые военные тайны и прочие ценные реликвии.

На эту самую Землю отправляют экспедицию, которая по официальной версии должна найти останки известной писательницы, погибшей в наши дни при таких странных обстоятельствах, что есть основания полагать, что останки сохранились достаточно хорошо, чтобы можно было восстановить ее личность в рамках сохранения культурного наследия.

На самом же деле цель экспедиции выявить состояние автономной системы безопасности Земли, а также добыть первого известного в истории киборга, который для эксперимента был отдан на воспитание той самой писательнице и по легенде утонул вместе с ней.

Прошедшая огонь и воду команда космического корабля уверена, что держит ситуацию под контролем и легко развернет ее к собственной выгоде, но то, что они найдут, навсегда изменит их судьбу, а со временем и судьбу всей галактики...

Ольга Арзамасцева

И тринадцать белых карликов

Accent Graphics Communications, Montreal, 2017

© 2017 Ольга Арзамасцева

Она проснулась со странным чувством, словно избавилась от бесконечного одиночества и одновременно рассталась с кем-то очень близким. С собственным alter ego, может быть? В любом случае очнуться было здорово. Она прекрасно понимала, что все время блуждала где-то на границе безумия — опасная прогулка!

Открыв глаза, Ада увидела фигуристую женщину в неизвестной воензированной форме. Приятное от природы лицо незнакомки казалось несколько гротескным благодаря кричащему макияжу, который принято называть вечерним.

«Ты просто придираешься, — мысленно одернула себя Ада. — В наше время многие используют яркую косметику».

Ей самой вечно не хватало времени и терпения заняться рисованием личика на мордочке...

Словно бы услышав ее мысли, пыщечка обернулась и воззрилась на Аду с каким-то даже сомнением.

— Какие-то проблемы? — не выдержала Ада затянувшегося молчания.

— Да вот, пытаюсь решить, ты из каких: дурнушка или красotka?

— Ну и как, по-твоему?

— По-моему, ты из этих: кого бог не обделил, но им лень собой заниматься. Таких я особенно не люблю: вечно на всех свысока смотрят!

— Значит, красоток предпочитаешь? — уточнила Ада.

— Не-а, — скривилась собеседница. — Все они дуры стервозные с зашкалившим охотничьим инстинктом...

— Тогда дурнушек?

— Не — эти клуши озлобленные.

Ада с усмешкой пожала плечами.

— Не знаю, по-моему, ты накручиваешь. Красотки чувствуют свою силу и оттого довольно великодушны, дурнушки по-своему милы в своей застенчивости. Ну а я... я безобидная, если ко мне слишком уж не цепляться.

Женщина усмехнулась в ответ.

— Наверное, ты права. Просто раньше я была единственной женщиной на этом корабле.

— Странный у вас корабль, — заметила Ада.

— Почему это? — нахмурилась незнакомка.

Ада передернула плечами.

— Ну, во-первых, женщин не берут в команду — примета плохая. А во-вторых... — она перевела взгляд с дорожущего кожаного дивана на красивое экзотическое растение в углу. — Как-то все это больше на яхту похоже...

— Яхту?

— Ну да. Знаешь, из серии: пальмы, мартини со льдом, красотки в бикини... — повела рукой Ада.

«Только яхты так далеко на север не заплывают...» — добавила она про себя.

— Это я красotka? — покраснела собеседница.

— Ну знаешь... старой шваброй я бы тебя не назвала...

— Я не в бикини! — насупилась та.

- Отыгрываешь роль?
- Это моя униформа!
- А по лицу не скажешь...
- Что не так с моим лицом?!
- Ну, видишь ли...

Ада почувствовала, что ее несет. В обычное время она бы наверняка сочла подобную перепалку весьма досадным происшествием и постаралась замять разговор. Но сейчас, когда она еще минуту назад считала себя мертвой, а воспоминания о соленой воде, неудержимо наполняющей легкие, все еще неприятно свежи в памяти, даже возможность переругиваться с нахальной девицей казалась нереальной роскошью.

— Вечерний макияж обычно накладывают ненадолго, чтобы вспыхнуть, как звезда, оставив яркий отпечаток в памяти. А если ты постоянно светишь, как прожектор... Тебе не приходило в голову, что окружающие могут устать от слишком яркого света?

К ее удивлению женщина не столько обиделась, сколько смутилась.

- Так без этого нечем особо светить-то, — пробормотала она.
- Это тебе-то? — не в силах сдержать сарказма, приподняла бровь Ада.

— Ну да, — женщина сокрушенно присела на край кровати. — Без этого парни совсем клестись перестают...

— Ну, если тебе нужны *такие* отношения, — фыркнула Ада. — Стоит воспринимать шуточки про бикини как комплимент...

— Какие «такие»? — нахмурилась новая знакомая.

— Э... — Ада решила все-таки притормозить и принялась подбирать определение помягче, благо словарный запас был богатый. — Внебрачные, — довольно быстро нашлась она.

— Что-то уж больно бойкая ты для утопленницы, — фыркнула женщина.

— Ты тоже не похожа на медсестру...

— А я и не... — она запнулась.

Ада склонила голову набок, изогнув губы в полуулыбке.

— У нас маленький корабль, — пробормотала собеседница. — Я занимаюсь всем понемногу.

— Маленький, но уютный... — протянула Ада, снова косясь на кожаный диван.

— В какой-то мере, — неуверенно отозвалась та. — Кстати, меня зовут Маргарита.

— Как текилу с цитрусовым ликером, — хмыкнула Ада. — А я...

— Я знаю, кто ты, — Маргарита взяла со столика книгу и продемонстрировала ей фотографию, красующуюся на задней обложке. Ада хорошо помнила этот снимок, сделанный сестрой. Но она так же хорошо помнила, что такого издания у нее не было. И похоже, что алфавита, использованного при его наборе, она тоже не знала. Впрочем, Маргарита так быстро спрятала книгу, что ничего нельзя было сказать наверняка.

— Ты читала мой скромный опус... — пробормотала Ада, чтобы как-то скрыть замешательство.

— Скромный? — фыркнула собеседница. — Ну, я бы так не сказала. В любом случае это не я — это капитан.

— Ваш капитан читает женские романы?

— Я тоже сначала так подумала, но... никакой это не женский роман! Чистый воды ужастик! И такой натуралистичный, хоть и фикшн. Моя бы воля, я бы вообще запретила

людям такое читать — вредно для психики.

— Хотела бы я, чтобы так и было, — вздохнула Ада. — Но женская сущность такая штука — против нее не попрешь: все равно где-нибудь да вылезет.

— Это да, — согласилась Маргарита скорее своим мыслям, чем ее словам.

— Так значит, ты все-таки ее читала, — усмехнулась Ада.

— Не обольщайся, — гордо вздернула подбородок собеседница. — Просто хотела знать, что читает мой... капитан, — и поспешила перевести тему. — Так ты говоришь, женщина на корабле плохая примета?

— Очень старая...

— Неудивительно, что мне было так тяжело найти работу! Если бы не капитан...

«Ты бы давно нашла себе хорошего парня...» — снова съязвила про себя Ада и как бы невзначай заметила:

— Должно быть, он необычный человек...

— Он вообще не... — Маргарита снова ощутимо запнулась, словно старалась обойти какую-то тему, — невероятный. Кстати, может, ты хочешь с ним познакомиться? Примерно в это время старший командный состав собирается для завтрака. Меня просили привести тебя, если очнешься.

— А ваш доктор не будет против? Я не помню подробностей, но, по-моему, мне здорово досталось — там, в море.

— Ну... — протянула Маргарита, тщательно подбирая слова. — Вообще-то, сама я с доком не виделась. Но капитан сказал, что док сказал, что если ты сможешь связно говорить — значит, все в порядке.

«Все странненькие и странненькие...» — припомнились Аде слова из детской аудиокниги. Кажется, она уже достаточно пришла в себя, чтобы ощущать беспокойство. Пожалуй, лучше будет проявить осторожность и не делать резких движений, пока не станет ясно, что здесь к чему...

И все-таки было кое-что, о чем она просто не могла не спросить.

— Послушай, Марго. Вместе со мной тонул один парень. Бедолага пытался меня спасти, но... Ты не знаешь, что с ним стало?

— Что ты имеешь в виду, говоря «парень»? — озабоченно переспросила Маргарита. — То, что нашли с тобой, это совсем не...

Аду передернуло. Она слишком хорошо знала этот тон...

— Послушай, — почти злобно проговорила она. — Джейк гораздо человечнее некоторых людей из тех, что я знаю. И в нем точно нет ничего от женщины.

Маргарита выглядела смущенной.

— Ох, ну... — она запустила пальцы в свою роскошную рыжую шевелюру. — Не то чтобы я не понимала твоих чувств. Но тут мы с тобой в меньшинстве — даже законодательство признает их машинами...

— Законодательство? — оторопела Ада. — Я думала: правительство скрывает существование проекта...

— О, черт! — Маргарита прижала ладонь ко рту. — Капитан меня убьет! — Она скрестила ладони в останавливающем жесте и заискивающе улыбнулась. — Давай не будем об этом сейчас! Кстати, откуда ты знаешь, что меня называют Марго?

— Просто это самая красивая из возможных кличек, — передернула плечами Ада. — Так как там Джейк?

Марго вздохнула.

— Не сказать, что совсем цел, но ремонту поддается. Ты не волнуйся, док с помощниками быстро поставят его на ноги. Они настоящие асы в этом деле: столько уже собрали в хлам поломанных...

— Разве Джейк не единственная работающая модель?

— Упс...

— Я ничего не скажу капитану...

— Он все равно узнает... — понурилась Марго. — Но если хочешь спасти остатки моей задницы, не задавай больше вопросов, ладно?

У Ады упало сердце. Похоже, их все-таки угораздило попасться конкурентам Джейковых создателей. Теперь эти ребята просто разберут парня на запчасти, и не факт, что смогут правильно собрать обратно...

Нет, она вполне отдавала себе отчет в том, что эти самые создатели тоже не миррой мазаны, что окажись они на месте конкурентов, то вели бы себя так же. Но для Джейка в родной корпорации было как-то безопаснее... И стоило забираться так далеко от дома, едва не расстаться с жизнью, чтобы в конечном итоге попасть как кур во щи!

Единственное утешение, что родные теперь останутся в стороне от всего этого...

Ада тяжело вздохнула. С самого начала было ясно, что, влезая в это дело, она роет себе яму. И она до сих пор не раскаялась — нет. Саспенс экспириенс важная вещь для воинствующего беллетриста. Одно только знакомство с Джейком стоило многих жертв: если не души, то жизни уж точно. Но подвергать опасности кого-то еще не хотелось.

И все же она жива и сможет вернуться домой... рано или поздно. Хорошо, когда есть куда возвращаться! И словно желая убедиться в том, что она все еще жива, Ада поднесла ладони к лицу. Это были чужие ладони...

То есть не совсем чужие. Общий контур изменился не сильно, а вот кожа и ногти еще никогда не были в таком хорошем состоянии. Нет — они никогда не доставляли ей проблем, однако в этой сумасшедшей поездке ногти постоянно ломались, и Ада, совершенно смирившись, срезала все, что можно срезать. Под холодным соленым ветром кожа не становилась мягкой, как у младенца, не говоря уже о «красивом» шраме через всю ладонь, который она заработала, исследую заброшенную сушилку для водорослей. В общем, неделя-другая процедур в лучшем столичном салоне привела бы ее руки именно в такой вид, как сейчас...

— Что-то не так? — насторожилась Марго.

— Все супер, — задумчиво отозвалась Ада. — Но мой прежний маникюр нравился мне больше...

— И на что он был похож?

— Тебе такой не воспроизвести, — криво усмехнулась писательница. — Могу я посмотреть на себя в зеркало?

— Зачем? — Марго все еще не сводила с нее подозрительного взгляда.

— Станный вопрос, — быстро нашлась Ада. — Ты предлагаешь женщине выйти к незнакомым мужчинам, даже не взглянув на себя в зеркало?

Новая знакомая расслабилась.

— Хочешь воспользоваться моей косметичкой?

— Не сегодня, — вежливо улыбнулась Ада. — Я ведь не в курсе, что за субъекты там собрались, а значит, и понятия не имею, какое личико нужно рисовать на мордашке.

— Почему бы не положиться на женскую интуицию?

— Потому что она молчит.

Это было не совсем правдой, так как женская интуиция говорила с ней сейчас о кое-чем другом. И при встрече с зеркалом ее подозрения полностью подтвердились — весь ее облик неуловимо изменился. И дело было не только в состоянии волос и кожи. Аде даже пришла в голову фантастическая идея, что ее тело было восстановлено по ДНК. Отсутствовали мельчайшие детали, возникающие в процессе индивидуального развития, такие как преждевременная проседь, легкая сутулость и много чего еще...

Аде вполне нравились все эти утерянные детали — они были неотъемлемой частью образа, что она себе создала. Ада вздохнула и отвернулась от зеркала. Похоже, ее неприятности могут оказаться гораздо больше, чем казались в начале.

— Может, все-таки возьмешь косметичку? — снова предложила Марго, видя, что та расстроена.

— Да нет — не поможет...

В качестве одежды Марго выдала ей военизированный зеленый комбинезон. И тот, как ни странно, оказался прямо по размеру. Вещь была удобной и сидела хорошо, так что Ада быстро раздумала ворчать, даже в мыслях.

Не слишком узкий обшитый полированным деревом коридор привел их в кают-компанию. Про себя Ада отметила, что владелец обладал, пожалуй, не только хорошими деньгами, но и хорошим вкусом, ну или отличным дизайнером. Можно даже было говорить о некотором чувстве меры, что обыкновенно владельцам таких судов не свойственно. Возможно, многовато полированного дерева, но, с другой стороны, не металлом же им стены обшивать...

У стола их ждали двое мужчин и ребенок, тщательно прятавший лицо за книгой, которую читал.

— Мой племянник, — поспешно пробормотала Марго. — Понимаешь, моя сестра... и мне пришлось...

— Мне ты можешь не объяснять, — вздохнула Ада. — Главное, чтобы вашего капитана это устраивало.

«Либо красавица “все понемножку” все же умеет получать от мужчин что-то кроме внебрачных связей, либо здесь что-то еще...» — подумала она про себя и переключила свое внимание на взрослых.

— Малькольм и Серж, — представила Марго.

Вот так вот: ни звания, ни даже фамилии. Эти господа определенно пытаются предоставить как можно меньше информации.

— Очень приятно, — кивнула Ада, закладывая руки за спину. Раз уж кое-кто так откровенно попирает формальности, она тоже не будет обременять себя рукопожатием. Тем более ей никогда не нравилось касаться незнакомых людей. — Меня зовут...

Глаза Малькольма вспыхнули:

— Мы знаем, кто вы! — выпалил он. — Знаете, я нахожу ваши книги совершенно потрясающими! Я... — избыточность его жестикуляции бросалась в глаза. Он скорее походил на человека, привыкшего говорить с трибуны, чем на моряка. К тому же он определенно неловко чувствовал себя в форме.

По сравнению с ним второй парень выглядел куда естественнее. Однако с учетом явного

пренебрежения бритьем и стрижкой вряд ли мог быть военным. Выправки тоже никакой. Так как спина Ады теперь по собственной инициативе стремилась вытянуться по струнке, в этой компании она чувствовала себя так, словно проглотила аршин.

— Простите, Малькольм... — вздохнула Ада, думая про себя: «Ну и имечко! А настоящее ли оно вообще?» — В теперешней ситуации мои произведения интересуют меня в последнюю очередь...

Мальчик за книгой хмыкнул. Впрочем, может быть, это касалось того, что он читал... Однако все присутствующие разом вздрогнули. Боятся очередной выходки сорванца?

— Могу я узнать, кто из вас капитан?

Вместо ответа все взрослые снова покосились на мальчика, и лохматая макушка ощутимо кивнула из-за книги.

— Я капитан, — довольно уверенно сказал Малькольм после паузы. — Давайте есть.

И он отодвинул ближайший стул. Ада повиновалась и взяла в руки вилку и нож. Не обращая особого внимания на то, что кладет в рот (кажется, какие-то овощи и морепродукты) и совершенно не слушая разглагольствования Малькольма, она теперь исподтишка наблюдала за мальчиком. У нее зародилось какое-то смутное подозрение. Может, это и не ребенок вовсе? Может, карлик? Кажется, тот предпочитал остаться голодным, чем расстаться с книгой, а это совершенно лишало ее возможности хоть краем глаза увидеть лицо. Пойдите, книга!

Это та самая книга, которую показывала ей Марго! И теперь Ада была уверена, что не знает этого алфавита. Конечно, она не знала всех языков, но уж об алфавитах имела кое-какое представление! В любом случае... если это действительно ее книга, то она бы не стала рекомендовать ее даже подросткам, а этот субъект, судя по росту, был и того младше. Может быть, его тетя просто не замечает?

— Марго, — не слишком тактично прервала она Малькольма. — А это ничего, что твой племянник читает такую жестокую литературу? Кое-кто давеча говорил, что она вредна для человеческой психики...

Мальчик, наконец, опустил книгу и посмотрел сначала на заметно оробевшую Марго, потом на Аду.

— Вот и я говорю, — снова попытался перехватить инициативу Малькольм. — Ваши прекрасные умиротворяющие стихи куда больше подходят женщине, чем...

Конечно, Ада не слушала. С одной стороны, она все же убедилась, что парень не обычный карлик: слишком пропорционально он был сложен, слишком молодое лицо... с другой стороны, пропорциональность определенно зашкаливала. Так зашкаливала, что вкупе с практически белой и гладкой, как воск, кожей тот был больше похож на куклу, чем на живого человека. И она уже где-то видела такую куклу...

Ну, конечно! Ада поперхнулась и закашлялась от неожиданности. Как вообще можно было сразу не узнать персонаж популярного японского мультика?! Должно быть, она просто не смогла сразу осмыслить подобное откровение...

Что ж, теперь она была уверена, что не может дольше играть в молчанку и выглядеть естественно.

— Капитан... — тихо выдохнула она.

— Да? — живо отозвался Малькольм. — Вы в порядке?

— Малькольм, я это не вам, — слабо улыбнулась Ада. — Я персонажу с книгой.

— Почему вы думаете, что я капитан? — спросил тот со спокойствием уверенного в

себе взрослого человека.

— Ну, даже не знаю с чего начать, — криво усмехнулась писательница. — Может быть, с того, что все присутствующие постоянно косятся на вас с оттенком раболепства... Или с того, что душка Марго сказала, будто капитан фанат моих романов, а Малькольм постоянно что-то лепечет насчет того, что женщине не подобает писать подобное. Не говоря уже о том, что вы зачем-то пытаетесь притворяться ребенком...

— Почему вы думаете, что я притворяюсь?

— Во-первых, даже очень воспитанные дети не держатся, так как вы. Во-вторых, не рождаются у людей дети с такой внешностью, разве что кто-то из ваших предков согрешил с героем мультика... — она запнулась и подняла руки, понимая, что, мягко говоря, выразилась слишком резко. — Простите, я не хотела вас обидеть! Я вообще не думаю, что в этом есть что-то плохое, если они любили друг друга.

— Нет, это было изнасилование, — мрачно отозвался обладатель кукольной внешности, кладя в рот щупальце морского гада с тарелки. — Но я не обиделся. Я знаю, что вы не имели в виду ничего плохого. Так если я не ребенок, то кто, по-вашему?

— За неимением лучших версий, я думаю, что вы такой же, как Джейк.

Собеседник задумчиво покачал головой.

— Ну... если с вашей точки зрения, то... — протянул он. — То да, наверное, такой же. Хорошо, вы меня раскусили. Я капитан, и я не человек — я машина. Вы всегда так наблюдательны?

— Нет, — поморщилась Ада. Ей бы не хотелось, чтобы Джейк считал себя машиной, и ей не нравилось, что этот парень говорит об этом так спокойно. — Только когда чую недосказанность, висящую в воздухе. К тому же, при всем уважении, сэр, я не думаю, что машина с функционалом капитана будет читать мои романы и говорить с набитым ртом. Я утверждаю, что вы представитель альтернативной формы разума, сэр. Равно как и Джейк.

— Похоже, кое в чем вам с Джейком удалось достичь взаимопонимания, — задумчиво откликнулся капитан. — Так, значит, он принадлежит вам?

— Разумеется, нет! — возмутилась Ада.

— Тогда кому?

— Ну... официально Джейк числится ребенком, оставшимся без попечения родителей — а это значит, что он сам себе принадлежит. Я всего лишь гувернантка...

— Гувернантка? — правильно очерченные брови капитана взлетели вверх.

— Ну да... Кто-то же должен учить его общаться, вести себя в семье, со знакомыми и незнакомыми, вовлечь в культурную среду, в конце концов. Конечно, рассуждая логически, для этой работы можно было найти более подходящую кандидатуру. Но так как в предыдущих случаях логический подход не сработал, и остался единственный выживший, парень, который вбухал в этот проект большие деньги, решил сыграть ва-банк. Как выяснилось, он тоже читал мои романы и почему-то подумал, что у меня достаточно нестандартное мышление для такой работы, — Ада вздохнула. — Конечно, эта работа — жуткая головная боль. Но Джейк потрясающе интересный парень, который во многом изменил мои взгляды и представления. Так что я ни на секунду не пожалела, даже когда думала, что умерла...

— Потрясающе... — выдавил капитан. Кажется, он беззвучно смеялся.

— А теперь, когда я открыла вам наши карты, могу я увидеть ваши? Хотя бы некоторые из них?

— Можете, — едва отсмеявшись, кивнул капитан.

Он вытер губы и откинул в сторону шелковую салфетку.

— Во-первых... — он шелкнул пальцами, и в ту же секунду лакированное дерево, кожаные диваны и экзотические растения исчезли.

Похоже, все эти предметы представляли собой что-то вроде голограммы. Их место заняла весьма лаконичная обстановка, где все, даже стены, были выполнены из неизвестного Аде синевато-зеленого материала, который, казалось, светился изнутри. Впрочем, скорее всего так оно и было, так как никаких других источников света не нашлось.

«Нет, я не умерла, — подумала про себя Ада. — Я просто сильно стукнулась головой. И теперь мне снится чертовски бредовый сон, а моя бедная тушка умирает где-нибудь в чертовски провинциальной больнице...»

— Даже если и так, — вслух ответил капитан. — Это не имеет значения, пока вы ничего не можете с этим поделать. Нет, Двенадцатый, ее еще рано выпускать из кокона...

— Могу я увидаться с Джейком? — спросила Ада.

— Нет, — сухо отозвался капитан. — В данный момент мне кажется, что ваша встреча окончательно дестабилизирует его и без того не слишком твердую психику. Однако со временем я, возможно, изменю решение. А пока я собираюсь показать вам кое-что. Думаю, это надолго вас отвлечет...

Ада послушно поднялась. На душе скребли кошки, но она была не в том положении, чтобы спорить. И вот, миновав несколько коридоров и промежуточных отсеков, они с капитаном оказались на открытом воздухе. Здесь Ада с удивлением обнаружила, что пространство, которое они только что покинули, судя по всему, действительно было кораблем, однако определенно не водным. Блестящий на солнце объект по размерам близкий речному лайнеру беззвучно парил примерно в полуметре над землей.

— Хотите что-то сказать? — спросил капитан, оценивая ее замешательство.

— Эм... — протянула Ада, отчаянно напоминая себе, что собиралась не делать резких движений. — Нет, ничего не хочу.

Обширная поляна, где левитировала странная штукавина, была окружена невысоким явно молодым лесом, пересекая который Ада просто не могла не задержаться. Она еще никогда не видела столько деревьев с характерными узловатыми стволами...

Капитан тоже остановился и бросил на нее вопросительный взгляд исподлобья.

— Березы... — извиняющимся тоном пробормотала Ада. — Карельские березы — они же почти вымерли в дикой природе...

— Видимо, не все... — невозмутимо откликнулся капитан.

— Мы что, в каком-то заповеднике?

— Можно и так сказать. Разбираетесь в ботанике?

— Лишь самую малость...

Довольно скоро лес снова отступил, открывая взору узнаваемые контуры старого монастыря. Ада хорошо знала эти места: тут не должно было быть никакого леса. Не говоря уже о том, что архитектурный комплекс выглядел совершенно заброшенным. Но этого не может быть! Всего за неделю до злосчастного случая на море закончилась реставрация! Сон? Галлюцинация?

Невозможно! Слишком последовательно, слишком много подробностей! Она ведь чувствовала запах соленого морского ветра, и влажных от тумана древесных стволов, и прелой листвы! Слышала шелест травы и шум деревьев, шуршание выступающих песчаных кочек, когда те попадали под ногу... Может быть, это иллюзия, вроде той, что она видела

внутри корабля? Но кому нужно так напрягаться, чтобы морочить ей голову?

Ада кинулась вперед, принялась ощупывать гигантские валуны стенной кладки — она хорошо помнила и любила их форму. Лишайника стало гораздо больше, и его витиеватые пятна пестрели куда ярче, чем раньше, однако...

Она прижалась лбом к выступу прохладного влажного камня.

— Я вижу, вам знакомо это строение... — голос капитана казался здесь совершенно чужим.

И дело было не только в потрясающей тишине, царившей вокруг. Ада начала отчетливо осознавать, что, несмотря на то, что понимает смысл всего сказанного, сливающиеся в слова сочетания звуков были совершенно ей не знакомы.

Ада отступила на шаг.

— Что вам от меня нужно? — ее голос все-таки не дрогнул, хотя холодные липкие щупальцы страха уже проникли к ней в грудь и вкрадчиво подбирались к сердцу.

Капитан тоже остановился, не пытаясь сократить возникшую дистанцию, но одновременно коснулся пальцами стены, за которую писательница все еще судорожно цеплялась одной рукой. У него были тонкие длинные, словно у музыканта, кисти.

— Для начала не могли бы вы объяснить мне назначение этого... — он погладил темно-серый камень.

Ада замялась. В спокойном состоянии она бы могла долго рассуждать на эту тему, однако сейчас у нее не было сил.

— Если в двух словах: это весьма многофункциональный архитектурный комплекс, — вздохнула она.

— Конструкция кажется не слишком удобной, — заметил капитан. — Однако наши весьма поверхностные исследования показали, что люди десятками поколений поддерживали его в хорошем состоянии и даже жили здесь, в то время как могли позволить себе построить нечто куда более удобное и легкое в содержании. У них должна была быть причина...

— Это довольно сложно объяснить, — усмехнулась Ада. — Однако в первую очередь они считали это здание прекрасным...

— Полезным? — переспросил капитан.

— Нет — красивым. На него хочется смотреть снова и снова...

— Ада с улыбкой погладила островок мягкого зеленого мха на кладке. Присутствие этого древнего гиганта придавало ей мужество, совсем как в детстве.

— Не понимаю, — капитан слегка тряхнул головой.

«Что, словарь подвис?» — съязвила про себя Ада и, видя, как собеседник хмурится, быстро добавила:

— Это нельзя понять — только почувствовать.

— И что вы чувствуете?

— Удовлетворение и печаль, полагаю...

— Почему?

— Вероятно, у вас нет семьи, капитан, — вздохнула Ада.

К ее удивлению маска спокойствия на лице собеседника на мгновение дрогнула.

— Я бы предпочел не поднимать эту тему, — тихо отозвался он, — ...пока.

— Просто мне бы не помешал хороший пример... — пожала плечами Ада. — Людям вообще свойственно хранить вещи своих предшественников, даже тех, кого они не знали,

даже тех, с кем они никак не связаны. Глядя на эти стены, я словно бы касаюсь чувств и мыслей людей, которые их создали, людей, что их чинили. Мне нравится ход их мыслей, и я чувствую удовлетворение, но я понимаю, что никогда не смогу встретиться с ними и поговорить об этом, поэтому мне грустно... думаю, это что-то из разряда общения.

— Я понимаю, — хрипловато отозвался капитан.

Писательница так увлеклась своими мыслями, словно бы переплетавшимися с узорами лишайника, который она рассматривала, что совсем не заметила, как тот подошел почти вплотную.

— Правда? — искренне удивилась Ада, глядя в зеленовато-синие глаза, больше напоминавшие холодное стекло.

Капитан кивнул.

— Это похоже на чтение старой книги. Ты понимаешь, о чем с тобой говорит автор, и чувствуешь, что не одинок. Но одновременно ты понимаешь, что он даже не знал о твоём существовании, и чувствуешь себя брошенным. Очень противоречивое чувство...

Ада невольно подняла брови.

«Это о моей книге? Он что, флиртует?»

Капитан быстро отвернулся и скрестил руки на груди.

— Почему вы не сказали, что это Джейк пытался утопить вас?

— А вам это откуда известно?

— Прочел в его памяти. Мы ведь родственные формы разума как-никак...

— А мои воспоминания вы тоже прочли?

— Нет. Вас ведь никто не готовил к подобным операциям — это определенно будет небезопасно для нас обоих.

— Но мысли мои вы читаете, — заметила Ада.

— Я непроизвольно слышу кое-что из того, что попадает в самый верхний уровень сознания, — это последствие перевода. И все же мне бы хотелось получить устный ответ на свой вопрос...

— По поводу Джейка?

Тот кивнул.

— Ну, во-первых, он сделал это в состоянии аффекта и сразу же попытался меня вытащить...

— И все же это стоило вам жизни, — капитан склонил набок голову.

— Я не злопамятная, — передернула плечами Ада. — В любом случае это моя вина. Я не справилась с задачей, которую сама же на себя взвалила, — перед глазами встало искаженное мукой заплаканное лицо киборга с расширившимися глазами и невидящим взглядом. — Пожалуй, я бы до конца жизни мучилась мыслью о том, что сломала судьбу парню. Но так как я единственная, кому удалось протянуть целых четыре года...

— Считаете, существуют обстоятельства, при которых вы бы могли протянуть еще четыре? — с сомнением в голосе уточнил капитан.

— Кто знает, что было бы, будь у меня побольше опыта, — вздохнула Ада и попыталась опустить плечи, впрочем, безуспешно. — Но я ведь даже собственных детей не воспитывала, не говоря уже о товарищах с феноменом депривации. Если бы я только чуть лучше понимала его потребности, если бы кто-нибудь толком объяснил мне...

— Основная потребность модели СУ-1 Джейк, это создание симбиотического организма с идеальным партнером, — бесцветным голосом проговорил капитан. — Эта

классическая ошибка первой разработки описана во всех учебниках...

— Что? — почти охнула Ада, втайне надеясь, что это мрачная шутка. — Идея стать единым целым никогда мне не нравилась. Даже если речь идет об очень хорошем и приятном во всех отношениях человеке. Идея же сделать это в прямом смысле кажется совсем абсурдной, даже при условии наличия такой возможности...

— Джейк это знает, — кивнул капитан. — И знает, что вы хотите ему только добра. Именно это позволило ему бороться с собой так долго. И именно поэтому, даже когда объединение все-таки произошло, ваши сознания не слились полностью и не разрушили друг друга. В противном случае мы бы не смогли разделить вас...

«Я слилась с Джейком? Была чем-то другим?» Воспоминания о бесконечности, проведенной в холодной темной бездне, накрыли Аду подобно ледяному валу морской воды, смыкающейся над головой. Сейчас она знала о Джейке гораздо больше, чем соглашалась признать. Она знала, что капитан говорит правду!

Секунды или часы спустя она обнаружила себя сидящей на корточках у ног капитана и судорожно сжимающей свои плечи. Она подняла глаза, тот спокойно безмолвно ждал, почти не шевелясь. Увидев, что взгляд собеседницы стал осмысленным, он слабо улыбнулся.

— Так или иначе, я должен поблагодарить вас за сдержанность, — сказал он. — Если бы люди на корабле узнали об агрессивности... — он запнулся, явно проглатывая привычное слово, — альтернативной формы разума, у нас могли бы возникнуть проблемы.

— И как долго... — проговорила Ада одними губами. — Как долго мы с Джейком провели на дне морском?

— Достаточно долго, чтобы люди успели надежно обжиться в космосе. Достаточно долго для того, чтобы Земля стала запретной планетой, куда не пускают разумных существ.

— И все же? — не отступила Ада. Ее голос сделался бесцветным — прямо сейчас она теряла последний твердый камень, на котором стояла, — свою надежду вернуться домой...

Капитан смотрел на скорчившуюся у его ног женщину. Сейчас он ее почти ненавидел. Ее легкие и воздушные слова так просто обрисовывали самые мрачные вещи: все то, что годами копилось в его душе, и все то, в чем он даже сам себе не хотел признаваться. Но правда заключалась в том, что сама она никогда не видела дно отчаяния — ей всегда было куда возвращаться и что терять. Все это слишком походило на обман. Как она смеет демонстрировать свою боль тем, кто никогда не мог позволить себе роскошь ее испытывать?!

С другой стороны, было даже что-то соблазнительное в том, чтобы помочь ей подняться — подчеркнуть свою твердость и значимость в сравнении с ее бестолковой беспомощностью... побаловать свое самолюбие...

Однако даже такое незначительное удовольствие капитан не мог себе позволить: он не в том положении, чтобы тратить силы на кого-то, кто не может стоять на собственных ногах. Это легко, нужно будет просто развернуться и уйти — капитан ведь уже не раз это проделывал. И в то же время он не мог не замечать неприятную льдинку страха, ворочавшуюся где-то в желудке. Сможет ли он тогда снова открыть любимую книгу? А что, если придется признать ее полной чушью? На что он намерен опираться в дальнейшем? А главное, как они выберутся отсюда?..

Женщина подняла голову. В ее беспокойных темных глазах отражалось мутное небо над островом. Она хотела знать, сколько времени отделяет ее от всего того, к чему она была привязана. Он ответил. Она попросила уточнить. Он снова ответил — выходило, что планета успела обернуться вокруг своей звезды чуть больше тысячи раз. Ада кивнула и поинтересовалась максимальной продолжительностью человеческой жизни.

— Примерно в десять раз меньше, — передернул плечами капитан. — Но вам в этом плане не о чем волноваться — добро пожаловать в ряды биомеханических организмов. У нас тут несколько другие параметры износостойкости и ремонтпригодности...

На этот раз она не удивилась, даже бровью не повела. Ада усмехнулась и шутливо отдала честь.

— Я горжусь возможностью стоять в одном ряду с вами, капитан, — отозвалась она.

Конечно, она не могла так быстро оправиться, однако, судя по всему, она могла взять себя в руки — это... обнадеживало.

«Капитан, — деловито обратился к его сознанию корабль. — СУ-1 недавно совершил успешную попытку синхронизации со своим компаньоном с предварительным взломом защитного кокона. И у нас ушло целых двадцать пять секунд на то, чтобы обратить процесс».

«Ловкий, собака! — подключился к разговору старший помощник. — Еще немного, и он попытается взломать систему управления кораблем! Ни за что не взял бы на борт такое чудовище без крайней необходимости».

— Отставить комментарии, Второй, — по привычке вслух огрызнулся капитан и озабоченно обратился к кораблю: — Что насчет эмоциональной дестабилизации компаньона, Двенадцатый?

«В пределах нормы».

— В среднем или только сейчас?

«В каждый отдельно взятый момент времени. В течение двадцати семи секунд колебалось на самой границе допустимого для функционально пригодного кибернетического

организма».

— Не может кибернетический организм быть функционально пригодным во время первой синхронизации, — пробурчал капитан. — Не говоря уже о специфических условиях формирования самосознания...

«И тем не менее, — снова влез в разговор первый помощник. — Все приборы выдали похожий результат. С учетом погрешности можно считать его одинаковым. Либо мы нашли сокровище, либо влипли, как никогда...»

— Либо и то, и другое, — проворчал капитан. — Когда именно произошла синхронизация?

Двенадцатый выдал точное время, и капитан сравнил его со своими внутренними часами.

— Так вот почему она упала... — хмыкнул он.

«Компаньон потерял сознание?» — одновременно отреагировали корабельный врач, корабельный психолог и специалист в области искусственных и кибернетизированных интеллектов.

— Скорее равновесие... — с ноткой усталости вздохнул капитан. — Пятый, Седьмой, Одиннадцатый... мне казалось, устав не дает вам право напрямую обращаться к капитану...

Эфир ответил ему гробовой тишиной: команда хорошо знала, что когда капитан вспоминает об уставе, лучше всего помалкивать, а еще лучше прикинуться мебелью или другим предметом обстановки.

— Вот и отлично, — кивнул капитан.

— Какие-то проблемы?

Ада снова смотрела на него. Не в пространство, не сквозь него и не вглубь себя, как было с тех пор, как они покинули корабль. И капитан поймал себя на том, что этот взгляд оставляет у него приятное щекочущее чувство...

Собственно говоря, несмотря на, а скорее даже благодаря кукольной внешности он довольно часто ловил на себе взгляды человеческих женщин. Однако это были взгляды совсем другого рода — они липкими щупальцами скользили по поверхности, оценивая ее, норовя забраться под одежду... От них зачастую мурашки бегали по коже — мурашки, которые редко можно было назвать приятными. Как ни крути, его положение во флоте только недавно настолько упрочилось, чтобы не бояться быть выкупленным какой-нибудь знойной женушкой богатого и влиятельного человека. Если и не насовсем, то уж во всяком случае на ночь-другую...

От воспоминаний о подобных «приключениях» капитана по большей части передергивало, несмотря на то, что в его среде было принято воспринимать их как хороший шанс получить повышение или упрочить свое положение каким либо иным способом...

Что же касается компаньонши СУ, то он определенно принял бы ее за «сестру из пробирки», если бы не знал доподлинно, откуда она взялась...

В ее взгляде не было ничего «такого». Казалось, Ада старается раскусить капитана или подловить на чем-то. Не с целью упрека или подножки, а скорее из азарта, как в игре человеческих ребятишек в отгадывание зашифрованных слов.

— Кажется, ваш Джейк соскучился по своей гувернантке и учинил небольшой дебош... — после небольшой паузы ответил, наконец, капитан.

Ада беспокойно прикусила губу.

— Я должна с ним увидаться, сэр, — с едва заметной просительной ноткой вымолвила

она.

Капитан бесстрастно покачал головой. Внутри снова поднималась волна ледяного раздражения. Ежегодно сотни хороших парней идут в расход из-за малейшего несоответствия стандарту! И в то же самое время кто-то как о родном ребенке печется о старом глючном девайсе, которому они во многом обязаны фобиями современного человечества относительно искусственных организмов! Чувства капитана, как и чувства большинства киборгов того времени, напоминали огромные арктические айсберги. Их верхушка едва виднелась на эмоциональной поверхности, так что вряд ли могла быть замечена соответствующим детектором, однако досада и раздражение так глубоко впитались в их умы и души, что те вряд ли могли что-либо простить. Смириться — пожалуй, но забыть — никогда.

Капитан достаточно хорошо изучил человеческую реакцию, чтобы подготовиться к потоку жалоб и обвинений в черствости, к которым прибегали не только женщины, но и многие известные ему мужчины. «Кукольное сердце» — было их любимое оскорбление...

Однако Ада лишь печально вздохнула.

— Наверное, вам виднее, — тихо сказала она.

И это вовсе не было фатальным смирением, свойственным некоторым людям, которые готовы согласиться с чем угодно, лишь бы не брать на себя ответственность. Судя по пойманным обрывкам мыслей, она действительно пыталась проанализировать сложившуюся ситуацию. Пожалуй, ее возможности в этом отношении на данный момент были несколько беднее, чем у киборга-секретаря средней ступени, но учитывая, что никто ее этому не учил и не принуждал...

Взгляд Ады тем временем снова стал рассеянным.

— Эм... капитан... — неуверенно проговорила она. — Если вам удалось сделать из меня киборга, возможно, существуют и другие...

Капитан почти физически чувствовал, как она ощупью рыщет в поисках осколков мира, из которого она пришла.

«Ничего не выйдет, детка, — злорадно подумал он. — Ты находишься в том же аду, что и мы все — здесь и сейчас!»

Но капитан давно потерял способность проявлять свои эмоции, так что в его лице и голосе вряд ли что-то можно было прочесть.

— Вообще-то подобные «превращения» запрещены законом, что само по себе далеко не всегда препятствует появлению оных. Однако я ничего не знаю ни о чем подобном, а я знаю о многом, чего якобы нет.

— Но, наверное, не обо всем... — в голосе Ады уже не чувствовалось особой надежды.

Однако капитан окончательно взбесился. Холодный, не находящий выхода гнев пожирал его изнутри. Нет, он заставит ее понять, что бессмысленно цепляться за прошлое!

— Хотите взглянуть на свой родной город? — с некой даже мягкостью спросил он.

Капитан и сам толком не понимал, что именно его так задевало. Возможно, ему просто хотелось получше распробовать то щекочущее чувство, что вызывал ее взгляд. Возможно... хоть он и сам себе побоялся бы в этом признаться... автор книги, случайно попавшей к нему в детстве, книги, которую он постоянно читал в то самое время, когда никто из сверстников в его окружении понятия не имел о том, что такое романы... возможно, этот автор стал для него кем-то вроде тайного союзника — личного друга, который должен был принадлежать только ему...

Ада на мгновение задумалась.

— Что ж... — медленно отозвалась она. — Это любопытно, почему бы и нет...

— Отлично... — капитан даже слегка улыбнулся. — Второй, прикажи выпустить К-5.

«Куда ты собрался, капитан? — старший помощник явно был несколько обеспокоен.

Только не говори, что ты действительно полетишь туда?»

— Именно туда, — безразличным голосом откликнулся капитан.

«Это безумие, — так же холодно отозвался Второй. — Прекрати это, или я буду вынужден...»

— Что? Доложишь о моей выходке? — хмыкнул капитан.

Второй, конечно, обязан был доложить, и подобный доклад, конечно, грозил капитану очень и очень большими неприятностями. Но смена капитана определенно аукнулась бы всей команде, так что с самого начала было ясно, что никто ничего делать не будет.

— К-5 будет возле основного шлюза через четыреста двадцать семь секунд, — буркнул старший помощник.

— Похоже, я видела лишь малую часть вашей команды, — заметила Ада, следуя за ним обратно к кораблю.

— Вы видели только людей, — откликнулся капитан. — А их я, строго говоря, вообще своей командой не считаю — так, необходимым балластом. До сих пор лишь от Маргариты была заметная польза...

— Вот как? — едва заметно усмехнулась Ада, а капитан невольно уловил, о чем она подумала.

И ему эта мысль вовсе не понравилась, и еще меньше капитану понравилось, что ему это безразлично.

— Марго помощник по снабжению, — быстро проговорил он, желая поскорее расстаться с этими ощущениями. — Зачастую приходится закупаться в сторонних компаниях, а там не слишком любят, когда документы подписывает машина... — Чтобы это не прозвучало как оправдание, он решил рассказать еще о ком-нибудь: — Серж специалист по ручному управлению, на случай, если все биомеханические элементы корабля разом откажут. Раньше я считал его присутствие пустой формальностью, однако с учетом неприятностей, в которые мы влипли во время посадки сюда...

— Каких неприятностей?

— Любопытство погубило кошку, — усмехнулся капитан. — Впрочем, вы все равно скоро узнаете... Дело в том, что хоть здесь сейчас и нет разумных существ, планета неплохо охраняется в автоматическом режиме...

— Зачем охранять пустую планету?

— По официальной версии это защита от браконьеров... — хмыкнул капитан. — Но защита от браконьеров, способная заметно повредить хорошо оснащенный военный корабль... это миф. Правда в том, что историческая родина человечества хранит в себе множество секретов, разгадка которых не нужна ни военным, ни правительству... и вы с Джейком один из них.

— Звучит правдоподобно, — кивнула Ада, вспоминая собственный опыт общения с военными. — Однако в такой ситуации ваше присутствие здесь кажется особенно странным...

— Почему это?

— Вы кажетесь скорее рядовыми специалистами, чем нелегалами...

— И что же нас выдает?

— Ну... наличие устава, например...

— Да, вы ловите каждое мое слово... — фыркнул капитан.

— Я стараюсь не пропустить ничего важного, — пожала плечами Ада. — Так что вы забыли в этом гиблом даже для военных кораблей месте?

— Ну... видите ли, мисс...

— Миссис... — пробурчала Ада. — Я замужем. Теперь, видимо, уже была... — она вздохнула. — Что же вы не изучили биографию любимого автора, хотя бы в общих чертах?

— Во-первых... — капитан на мгновение смолк, судорожно подбирая слова. Полученная информация нравилась ему даже меньше, чем предыдущие соображения собеседницы. — В наше время женщинам нравится, когда их принимают за девушек...

— Думаете, я из таких? — меланхолично уточнила Ада.

Капитан вздохнул. Положа руку на сердце, он так не думал.

— Во-вторых, — мрачно добавил он, — машинам законом запрещен доступ к информации, не имеющей отношения к их профессии.

— Это значит, что моя книга информацией не считается?

Они остановились, наблюдая, как сверкая черными боками, обтекаемый летательный аппарат медленно опускается на поляну перед кораблем.

— Нет, — скривился капитан. — Это значит, что я ее украл, и у меня будут крупные проблемы, если кто-нибудь об этом прознает.

В первый раз в его голосе прозвучало выражение, которое никак нельзя было назвать наигранным.

Ада с полминуты очень серьезно смотрела на него и вдруг, протянув руку, с улыбкой потрепала по плечу.

— Это классно, — с легкой грустью сказала она.

— Что именно? — уточнил капитан, невольно касаясь плеча в том месте, где еще секунду назад была ее рука.

— Что мои книги стоят того, чтобы ради них влезть в неприятности. Что есть кто-то, кому они настолько нужны... Теперь я чувствую, что хоть что-то в моей жизни было не зря, — она с досадой мотнула головой. — Я понимаю, что звучит слишком пафосно, но сейчас я немного на грани истерики, так что...

— Звучит классно... — неуверенно откликнулся капитан, все еще держась за плечо.

Он по-прежнему казался заметно выбитым из колеи, так что Аде захотелось сделать еще что-то, чтобы его поддержать. Тогда она вспомнила их старое подростковое приветствие.

Сжав руку в кулак, она протянула ее капитану.

— Респект?

Тот непонимающе посмотрел сначала на кулак, потом на нее. Собственно, другой реакции она и не ждала.

— Вы должны сжать руку так же, как я, слегка ударить мой кулак костяшками пальцев и ответить: «Респект». Это будет значить, что мы достигли некоторого неформального, даже несколько хулиганского, взаимопонимания.

Капитан снова посмотрел на нее, потом на кулак и нерешительно сжал в кулак тонкую гибкую ладонь.

— Вам необязательно это делать, если вы не разделяете мое видение ситуации, — успокаивающе улыбнулась писательница.

— Нет, почему же... — решившись, сдвинул брови капитан и в точности выполнил инструкцию. — Просто вы первая женщина, проявившая ко мне такого рода симпатию...

— Неформальную? — уточнила Ада.

— Нет, скорее... — капитан попытался подобрать приличное слово для рода симпатии, которой он обделен не был, и решил, что проще определить симпатию Ады, как бескорыстную.

Писательница несколько сникла.

— Так как я сейчас в зависимом положении, то не могу пообещать, что не стану использовать ваше влияние ради собственной выгоды, — призналась она, глядя в сторону.

— Это понятно, — кивнул капитан. — Но мне почему-то кажется, что вы не станете действовать мне во вред...

— Мне бы тоже хотелось так думать, — качнула головой Ада. — Но я сейчас несколько взвинчена и не могу поручиться, что не наговорю гадостей или даже не... попытаюсь выкинуть какую-нибудь глупость.

— Очень мило с вашей стороны предупредить меня об этом заранее, — чуть более живо, чем обычно, улыбнулся капитан и направился в сторону К-5.

— Ах, красавец, — воскликнула писательница, с восхищением рассматривая летательный аппарат. — Можно его погладить?

Капитан вопросительно приподнял брови.

— Провести ладонью по корпусу, — быстро пояснила Ада.

— Почему нет? — передернул плечами он.

— Откуда же я знаю, из чего сделан корпус, — улыбнулась она.

— Разумная предосторожность, — согласился капитан, однако у него осталось ощущение, что речь шла о чем-то ином, что в действительности Аду интересовало, не эксклюзивны ли права капитана на обращение с этой машиной.

— Ты красоточка, ты косаточка... — тем временем мурлыкала та, поглаживая выпуклый бок К-5.

Словно отвечая на ее ухаживания, К-5 вздрогнула и мерно завибрировала. Ада замерла и бросила вопросительный взгляд на капитана.

— Все в порядке, — ободрил тот. — Просто вы ей понравились.

«Мне бы тоже понравилось, если бы меня так приласкали...» — добавил он про себя.

Ада задумчиво посмотрела на подрагивающий металл у своей ладони. В свое время она бы восприняла это как шутку, но с учетом развития местных технологий... кто знает...

— Это правда? — уточнила она.

— Искусственный интеллект К-5 не самый сложный в мире, — откликнулся капитан. — Но и его достаточно, чтобы понять, когда тебя хвалят. Правда, пронира? — с оттенком нежности усмехнулся он, облачиваясь о корпус.

Машина ответила чуть более заметным толчком.

Капитан снова взглянул на писательницу.

— Кстати, как вы узнали, что модель называется «Косатка»?

— Никак, я имела в виду внешнее сходство.

— С чем сходство?

— С косаткой — это морское животное. С виду очень похоже на ваш транспорт. Есть еще касатки, через «а» — это птицы. Они, конечно, летают, но на вид похожи куда меньше...

— Вы и в зоологии разбираетесь, — хмыкнул капитан.

— Еще меньше, чем в ботанике, — покачала головой Ада. — Но косатки популярны: они грациозные, ловкие и беспощадные хищники, но в то же время очень добры и заботливы по отношению к друзьям и членам семьи. Их социальная структура одна из самых сложных в животном мире... — К-5 снова слегка пихнула ее корпусом, желая привлечь утерянное внимание. И Ада сразу же откликнулась: — Ты такая? Да? Ты такая! Беспощадная к врагам и ласковая с близкими? Да? Да!

Капитан не мог больше на это смотреть.

— Ну все, хватит нежничать, — проворчал он. — Разбалуете мне машину — она в следующий раз без комплементов работать откажется...

— Ну и что вам стоит сказать женщине что-нибудь приятное? — наморщила нос Ада. — Мы это любим. Да, Косаточка? — она похлопала блестящий корпус, машина отозвалась довольной вибрацией. — Видите — мы это любим.

— Во-первых, — с ноткой раздражения откликнулся капитан, ловко запрыгивая в кабину. — Я не вправе ей распоряжаться по собственному желанию. А во-вторых... — он протянул руку и помог неуклюже карабкавшейся наверх Аде попасть, наконец, в кресло второго пилота. — Никого никогда не интересовало, что же люблю я...

Ада замерла, не зная чему удивляться больше: неформальному тону, который приобрела их беседа, или тому, что изнутри машина казалась совершенно прозрачной, так что она могла видеть не только все вокруг, но и траву под своими ногами.

— Психоделичененько, — мурлыкнула она.

— Что?

— В мое время летательные аппараты изнутри выглядели несколько иначе... Так что вы любите, капитан?

— Понятия не имею, — задумчиво откликнулся тот. — У меня еще не было шанса подумать над этим.

— В таком случае, сэр, — вздохнула Ада. — Можно мне узнать, куда мы направляемся?

— В ваш родной город разумеется.

— Но разве вы знаете, где это?

— Из воспоминаний Джейка я узнал, где вы с ним жили, а также примерный маршрут...

— А... этот город, — чуть поскущела Ада.

— А есть какой-то еще?

— Я родилась в другом городе, — с легким оттенком мечтательности откликнулась Ада. — Однако когда я повзрослела, экономическая ситуация в стране изменилась, и семье пришлось переехать... с тех пор я больше никогда и нигде не чувствовала себя дома по-настоящему. Иной раз мне кажется, что лучше не иметь вовсе, чем иметь и потерять... — она прислонилась лбом к прозрачной стенке машины, так чтобы капитан не мог видеть ее лица. — Конечно, я просто избалованная девчонка, но иногда человек должен позволять себе испытывать подобные чувства — чисто с профилактической целью...

Капитан промолчал. Его все больше интересовало это существо, в котором непостижимым образом сочетались мягкость и выносливость. Ему даже хотелось протянуть руку и коснуться ее волос, чтобы получше распробовать эту мягкость...

Вот черт! Нельзя так терять голову! И куда его понесло вообще, когда команда там зашивается! Его привередливость в выборе подчиненных (возможно, даже излишняя) давно привела к тому, что в случае аврала все, вплоть до капитана, садились править или ломать системные коды или разбирать карты искусственных ДНК. Иной раз во время слишком

долгих экспедиций даже приходилось травить палубных паразитов или вручную чинить обшивку. Благо возможности кибернетических организмов в этом плане во многом превосходили человеческие...

Сейчас им худо-бедно удалось разобраться с фатальными повреждениями корпуса, но этот чертов Джейк и все что с ним связано до сих пор были серьезной проблемой. Впрочем, еще не все потерянно — кое-какие работы он может выполнять даже во время пилотирования.

К-5 бесшумно поднялась в воздух и, набирая скорость, заскользила над небольшим лесистым островом, который скоро уступил место морю.

— Может, продолжите рассказ о том, как вы здесь оказались? — предложила Ада после затянувшейся паузы, глядя на скользящие по стального цвета воде белые буруны.

— А я уж было подумал, что вас это больше не интересует...

— Боюсь, что я не до такой степени безрассудна, — усмехнулась Ада. — Просто некоторые вещи стоит уточнять и улаживать сразу, как представляется случай, а некоторые могут чуток подождать...

Капитан хмыкнул.

— Что-то не так?

— Нет просто, радуюсь вашим длинным фразам, — откликнулся тот. — Должно быть, вам встречались исключительно терпеливые собеседники.

— Смотря кого считать собеседником, — передернула плечами писательница. — Просто всерьез я обычно говорю лишь с бумагой, а та не возражает подождать...

— Все оттого, что у вашей бумаги бесконечный запас свободного времени, — усмехнулся капитан, оценивая объем незаконченных дел.

С другой стороны, он всегда любил свою работу. И это, в числе прочего, не давало ему пасть духом даже в самых тяжелых или неприятных ситуациях. Капитан прикрыл глаза, позволяя своей сенсорной и двигательной системам полностью слиться таковыми у К-5.

— Напомните мне, на чем мы остановились... — попросил он через минуту.

— Кажется, на тайнах, что не должны быть раскрыты...

— Ох уж эти тайны... — он приоткрыл один глаз, покосился на Аду и тут же снова закрыл его. — Мэм. Вечно к ним кого-то тянет. И со временем количество желающих только увеличивается... Поэтому начальство решило провести небольшой эксперимент. Они послали сюда своих лучших космических каперов. Если уж мы не сможем прорваться сквозь защиту, значит, это в принципе невозможно...

— А если сможете?

— Значит, пришло время потихонечку избавляться от всего этого...

— Звучит не слишком приятно...

— Вы правы, и для тех, кого это не устраивает, у нас есть красивая версия.

— А ее можно послушать?

Капитан кивнул.

— Галактический Университет Литературы заключил контракт с военным ведомством на организацию экспедиции, дабы проверить популярную легенду об известном литературном деятеле, случайно законсервированном где-то в северных водах в результате кибернетического эксперимента. И Малькольм как раз возглавляет эту экспедицию...

«Косатка» сделала резкий нырок и ушла под воду, затем, описав под водой дугу и одновременно раскручиваясь вокруг своей оси, вырвалась на поверхность и, сделав в воздухе

петлю, снова ушла под воду.

— Если вы это просто для развлечения... — выдавила из себя Ада, — то я никогда я не любила американских горок...

К-5 снова вынырнула из воды и, на этот раз, набирая высоту медленно, быстро заскользила над поверхностью.

— По контракту они, то есть Университет, получают своего литератора, а мы, то есть военные, забираем глючного киборга для опытов...

Если бы у Ады благодаря экстремальному пилотажу кровь не отлила от лица, она бы наверняка побледнела.

— Знаете, — чуть слышно прошептала она, — эта версия нравится мне даже меньше, чем первая...

— Как я и думал, — кивнул капитан. — Но за Джейка вы можете не волноваться. Я не собираюсь сдавать его в штаб. Он, конечно, избалованный террорист, но даже в таком качестве он нужен мне самому. А в наши дни мой корабль чуть ли не самое безопасное место для киборга.

— Уже лучше, — вздохнула писательница. — Хотя, по правде сказать, в Университет меня совершенно не тянет. С детства недолюбливаю литературоведов — они напоминают стервятников, ожидающих смерти живого произведения, чтобы потом копаться в гниющих потрохах... — она поморщилась. — Книги нужно читать, а не препарировать... Впрочем, как я понимаю, особого выбора у меня нет...

— Во-первых, — откликнулся капитан, втайне наслаждаясь тем, что кто-то разделяет его мнение о том, что Малькольм — падальщик от природы. — Какой-никакой выбор есть всегда. А во-вторых, в контракте сказано, что в случае серьезных повреждений я могу распорядиться всеми полученными ресурсами по-своему усмотрению. А как я уже сказал, пострадали при посадке мы весьма серьезно, так что даже не можем вернуться на оставленное на орбите судно...

— Все так серьезно? Можно послать сигнал бедствия? Или придется сидеть и ждать, пока кто-нибудь заметит наше отсутствие?..

— Каперские суда действуют на свой страх и риск, — холодно ответил капитан. — Никто не станет нам помогать.

— Но что-то мне подсказывает, что вы планируете помочь себе сами.

Капитан снова кивнул.

— У нас есть... гм... машина, которая могла бы отбуксировать челнок на орбиту. Однако это... гм... кибернетический организм с отмонтированным интеллектом. И найти подходящий интеллект было бы большой проблемой даже на Центральной Станции. Машины класса «Небесный Андроид» вообще штука очень капризная. Обычно разум для них выращивается отдельно в антропоморфных моделях, вроде моей, примерно до периода формирования мелкой моторики, после чего пересаживается. Приживается примерно пятнадцать процентов...

— А что становится с остальными?

— Вы правда хотите это знать? — приподнял бровь капитан.

— Так или иначе, сущность, которую мы таскаем с собой, была создана незаконно и получена нами во время перехвата крейсера с контрабандой. Его возможный функционал выглядит очень заманчивым, если не считать того, что без ИИ это просто хлам. А как показал мониторинг, ни одна из существующих форм искусственного интеллекта для этого

не подходит, даже теоретически...

— Вы уже успели запихать в эту дрянь Джейка... — скорее констатировала, чем спросила Ада.

Капитан снова на мгновение сфокусировал взгляд на ее лице. Та не выглядела ни обиженной, ни негодующей — просто печальной.

— У нас все равно не было другого сосуда для него, — почти извинился он.

— Вы с самого начала предполагали, что Джейк может подойти, — вот и притащились.

— Мы... — капитан не знал, что именно хочет сказать. Она была права, но... кто сказал, что валяться на дне моря намного лучше? Они ведь дали парню шанс, разве нет? Хотя, если подумать, на дне моря все-таки безопаснее...

— Я все понимаю, — кивнула Ада, глядя прямо перед собой. — Вам ведь тоже нужно как-то выживать, кэп.

— Но это еще не все... — продолжал капитан, решив счесть тему замятой. — «Небесные Андроиды», как и «Косатки», не могут выполнять сложные маневры сами по себе — им нужен пилот. Однако, в отличие от «Косатки», пилотаж «Андроида» требует полной синхронизации с его разумом, что, во-первых, требует длительной подготовки, а во-вторых, кибернетические организмы для этой работы по большому счету непригодны, так как электронные части разбалансируют процесс. Однако с учетом того, как много времени кто-то провел в симбиозе...

— Вы думаете, что у меня может получиться... — подытожила Ада.

— Это наш единственный шанс выбраться отсюда, — отозвался капитан.

— А зачем нам вообще выбираться? — заметила писательница.

— Это прекрасная планета: вода, воздух, флора, фауна... Что еще нужно, чтобы жить?

— Как минимум, чтобы нас не нашла охранный система планеты, а она нас найдет — это просто вопрос времени. К тому же вы и понятия не имеете о потребностях такой... хм... альтернативной формы разумной жизни, как мы с вами. Уверяю вас, если бы я мог забиться в какую-нибудь нору, подальше от Федерации со всеми ее... особенностями, я бы уже давно сделал это.

— Ну хорошо, выберемся мы отсюда, и что потом?

— Потом я напишу красивый рапорт о том, что ваш разум не выдержал перегрузок, оформлю еще более красивые документы на имя некой юной особы, и вы будете долго и счастливо изображать милую человеческую девушку в белом домике под черепичной крышей.

— Сходя с ума от беспокойства за единственного уцелевшего близкого и по уши в снобах, считающих моих друзей машинами...

— Ну, должны же быть у жизни и неприятные стороны...

— А кто будет пилотировать Джейка?

— Я что-нибудь придумаю.

— Не проще ли включить меня в состав команды? Если уж вы думаете, что я справлюсь с такой работой...

— Мне пришлось бы включить вас в «черный» состав — то есть как еще одного киборга, а человеческое самосознание не способно существовать в таких условиях.

— Вы понятия не имеете, на что способно самосознание человека тысячелетней давности, прошедшего целую вечность в симбиозе с полуискусственным разумом, — передразнила его Ада.

— Вы понятия не имеете, на что подписываетесь, — зло отозвался капитан.

— Возможно, — вскинула подбородок писательница. — Зато я слишком отчетливо себе представляю, от чего отказываюсь!

Капитан остановил «Косатку», отключил соединения и пристально посмотрел ей в глаза. Хуже всего было то, что он слишком хорошо понимал, как сильно не хочет отпускать эту женщину.

— Мне нужно об этом подумать, — устало вздохнул он, откидываясь на спинку кресла.

Ада чувствовала все большее напряжение по мере того, как под брюхом К-5 проплывали кварталы незнакомых, даже непривычных с виду домов. И когда впереди вдруг мелькнули старые башни из красного кирпича, Ада судорожно вцепилась в руку капитана.

— Все! Хватит! Спускаемся! — выпалила она.

Капитан сверился с картой.

— По моим сведениям тут еще несколько десятков километров...

— «Нажми, водитель, тормоз, наконец! — почти прошипела писательница. — Ты нас тиранил три часа подряд!..»

Капитан сверился с внутренними часами, учитывая текущую квалификацию спутницы, вряд ли та могла определить время точнее.

— «Вставайте, граждане, приехали — конец: Охотный Ряд... Охотный Ряд!»

Интонация Ады показалась ему странной. Однако навигационная система «Косатки» уже углядела где-то отметку с обозначением топонима. Оно соответствовало названному. Машина встала, не дожидаясь команды, и убрала защитный купол. Ада сразу же выбралась наружу. От ее ног в воздух поднялось облачко пыли.

Слишком уж слажено действовали эти... «девчонки», так что капитан заподозрил даже, что изоляционный купол вокруг Ады работает нестабильно.

Писательница потопталась на месте и взглянула себе под ноги. Четкость оставленных следов, казалось, подчеркивала ее реальность в этом призрачном городе. И женщина принялась кружиться вокруг корабля пытаясь оставить их как можно больше.

— «Когда-то здесь горланили купцы, — напевала она. — Москву будила дымная заря, и над сугробами звенели бубенцы: “Охотный Ряд! Охотный Ряд!”»

К-5 дрогнула и медленно поплыла следом за ней.

— Похоже, ты понимаешь ее лучше меня, — заметил капитан, обращаясь к машине.

«Как женщина женщину...» — гордо отпечатала та на передней панели. Обычно модели с ИИ не использовали языковых интерфейсов при общении с другими кибернетическими организмами. Видимо, «Косатка» сочла, что Ада может их услышать.

— Тогда, может быть, скажешь, что у нее на уме? — хмыкнул капитан.

К-5 выдала 3D изображение ближайших строений, подсветив зеленым резко выделяющийся комплекс в центре. И было в нем нечто общее с теми руинами, у которых пришлось посадить челнок. Прежде всего непонятное стремление обитавших здесь людей бесконечно достраивать его одновременно по возможности сохраняя более древние части...

— Пожалуй, здесь я склонен с тобой согласиться, — кивнул капитан и, перевесившись через борт, похлопал по плечу замороженную спутницу.

— Если вас интересуют те доисторические постройки из красного кирпича, — обратился он к Аде. — Тут еще довольно далеко, может, подьдем?

— Представьте себе, — усмехнулась та. — Почти то же самое сказали мне подружки, когда мы гуляли здесь в школьные годы... — Ада вздохнула. — После этого мы полтора часа крались через пробку, а в итоге нам пришлось выйти на следующей остановке и большую часть пути все равно пройти пешком. Тогда я поклялась никогда не пользоваться транспортом в этом месте — и клянусь чем угодно — я сдержу свое слово! — она грустно усмехнулась и продолжила движение в прежнем направлении. — «Вот дымный берег

юности моей... — писательница подпрыгнула, подняв в воздух тучу пыли. — И гавань встреч, и порт ночных утрат — вот перекресток ста пятнадцати морей: Охотный Ряд! Охотный Ряд!»

— Это что, песня? — вдруг смекнул капитан.

— Со слов: «Нажми, водитель, тормоз, наконец», — улыбнулась Ада. — Признайте, что вы не сразу заметили.

— Вы убедительно ее подали.

— Ситуация подходящая.

— Она была популярна?

— Пока не стала гимном.

— Вам нравятся парадоксы?

— Пожалуй, но в первую очередь я не хочу утомлять вас подробностями.

— Очень жаль, именно сейчас я не против послушать...

Спустя определенное время Ада в недоумении стояла перед пустым постаментом.

— Странно как-то, — в замешательство пробормотала она. — Царь-пушка стоит, а колокола нету... Кто-то с собой в качестве сувенира увез что ли?

— Исключено, — покачал головой капитан. — Советом Федерации было принято решение не вывозить с Земли культурные ценности. И эта директива до сих пор действует...

— Похоже, только не в моем случае...

— На вас у меня есть специальное разрешение, но это все равно очень тонкий лед... — и он поспешил сменить тему: — Так на что был похож этот колокол?

— А у вас в словаре картинок нету? — после минутной заминки нашлась Ада, понимая, что не находит слов для столь очевидной вещи.

— Словарь считает, что мне не нужно этого знать, — передернул плечами капитан. — На корабле я бы мог его сломать. А отсюда у меня доступа нет.

Ада повернулась к звоннице, решив для начала объяснить назначение.

— А! Вот там висит несколько! — обрадовано указала она. — Только тот был больше и с отколотым куском...

— Он был красивый? — уточнил капитан причину интереса спутницы к объекту.

— На вкус и цвет товарища нет, конечно, — пожала плечами та. — Но как по мне, так скорее пафосный. Просто жалко — он тут столько простоял, а теперь его нету...

Капитан переформулировал запрос для «Косатки», и та быстренько отыскала колокол и выдала координаты. Тот, как оказалось, валялся всего метрах в двухстах от своего законного места. Пробираться пришлось сквозь довольно густые заросли, так что капитан невольно подивился упорству писательницы в ее функционально бессмысленной деятельности...

— Раньше здесь был очень миленький скверик, — пояснила Ада. — Но так мне нравится даже больше...

— Вам нравятся непролазные заросли?

— Мне нравится первоначальный порядок вещей. По-моему, естественный отбор — самая справедливая система в мире. И это неправда, что всегда выживает сильнейший... — она кивнула на чахлый стебель плюща, будто из последних сил карабкавшийся по стволу дерева и распутившийся пышной листвой на его вершине.

— Выживает тот, у кого есть воля к жизни: «Бесплодной печали не стоит, мой друг, предаваться, ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться... а пряников сладких всегда не хватает на всех...»

Так или иначе, колокол был найден и обломанные ветви деревьев говорили о том, что он здесь недавно.

— Но как... — начала, было, Ада.

— Должно быть, какой-то летательный аппарат, — ответил капитан. — Пыль на открытой местности потревожена, но следов нет.

Он отошел еще метров на тридцать и наткнулся на искореженные остатки механизма.

— Легкий прогулочный катер... — констатировал капитан.

— Удивительно, что им удалось забраться так далеко на такой посудине.

— Разбился? — робко спросила Ада, не решаясь подойти ближе.

— Охранная система сбила, — передернул плечами капитан. — Хотя что тут сбивать-то? Плюнул — оно и развалилось... — Тут он заметил беспокойство на лице спутницы. — Но вы не волнуйтесь: К-5 запустила вирус, дезориентирующий местные патрули, — до нас они не доберутся.

— Это пилотируемый аппарат? — тихо уточнила писательница. От мысли, что где-то в этой непривычной тишине шныряют бесшумные, как «Косатка», машины, ей становилось не по себе.

— Ага, — капитан поддел ногой неровно обглоданный череп и пнул его в сторону Ады. — Вот и пилот. Хищники о нем уже позаботились. Заброшенные города всегда кишат какими-нибудь голодными существами...

Ада сглотнула, дивясь крепости своего нового желудка.

— Но вы не беспокойтесь: «Косатка» отпугивает их ультразвуком...

— Так что с нами ничего не случится, — закончила за него Ада.

— Может, уйдем отсюда?

— А я уж думал, вы предложите его похоронить... — протянул капитан.

— И поэтому пнули, чтоб не зазнавался...

— Любой человек бы предложил.

— Так уж и любой? Какая теперь, в сущности, разница, крысы его съедят или черви? Все одно — станет частью экосистемы...

— У вас несколько оппозиционные взгляды, не так ли?

— Не бойтесь, капитан, я не воинствующая. По мне, так каждый должен верить в то, что ему приятнее — так намного интереснее...

— И будет такой же бардак, как в этих зарослях...

— Это не бардак, капитан, это саморегулирующаяся система. Я уверена, что хотя бы в базовом виде знания по экологии определенно необходимы в вашей профессии...

— В идеале, возможно... — протянул капитан, признавая, что легко может представить себе ситуации, где это ему пригодится.

— Нет, — усмехнулась Ада. — В идеале капитан должен знать все. А это так — необходимый минимум...

— И что? Много идеальных капитанов вам встречалось?

— Откровенно говоря, вы вообще мой первый знакомый капитан. А любой идеал — это сферический конь в вакууме: просто бессмыслица.

— Конь — это животное? — уточнил капитан.

— Ваш словарь снова вредничает?

— Мой словарь никогда не был дружелюбным, но я слышал кое-что о конях. Они имеют сложную форму и дышат кислородом, то есть круглый и в вакууме уже не конь. Я правильно

уловил смысл шутки?

— Ну... я не очень разбираюсь в генетике с кибернетикой, но могу предположить, что из ДНК лошади можно вырастить что-то круглое, что будет дышать за счет каких-то внутренних ресурсов, но кому нужна такая х... — (Ада употребила очень грубое и даже непристойное слово).

— А вы знаете крепкие выражения, — приподняв бровь, хмыкнул капитан.

— Я знаю в пятьдесят раз больше крепких выражений, чем употребила за всю свою жизнь. Я стараюсь оставлять эти знания теоретическими, но иногда по-другому просто не скажешь...

Капитан бесстрастно кивнул.

— Что же касается круглого объекта с генотипом лошади, то кто знает... люди иной раз находят применение такой х... — (капитан постарался подобрать наиболее адекватное слово из собственного словаря), — что по-другому не скажешь...

Ада хихикнула, хоть и это у нее получилось несколько печально.

— Мне понравилось, как словарь перевел ваш синоним, — пояснила она.

— Теперь слетаем, посмотрим ваш дом?

— Зачем? — скривилась Ада. — Это была обычная многоэтажка. Скорее всего, ее снесли и построили что-то другое, как и везде здесь. А даже если и нет, мы собирались переезжать — наверняка семья так и сделала после того, как... они поняли, что я не вернусь.

— Может, там сделали ваш музей.

— Это еще хуже — потерявшие смысл вещи, которым кто-то пытался придать подобие жизни. Это все равно, что смотреть на собственную мумию. Не слишком приятное зрелище, не так ли?

— Я видел, как парней с моей внешностью утилизируют пачками по десять штук. Не думаю, что мумия намного хуже...

Ада несколько побледнела, ей казалось, что собеседник говорит правду.

— Не думаю, что вы стали бы смотреть на это из праздного любопытства, — заметила она.

— Я вообще ничего не делаю без веской причины.

— Значит, у вас есть веская причина свозить меня куда-то еще? — задумчиво протянула Ада. — В таком случае у меня есть предложение. Могу я увидеть карту?

«Даже если представить себе, — думала она, — что возможно внушить человеку такую реалистичную иллюзию, данная иллюзия все равно использует мои воспоминания, так что неважно, куда я пойду, — вряд ли мне удастся распознать подделку...»

Капитан щелкнул пальцами у нее перед носом.

— Карта, — сказал он, указывая на корпус К-5, отображавший то, в чем Ада с трудом узнала бывшую Московскую область. В основном по чуть изменившей русло реке и здоровой агломерации в центре.

— Слишком крупно, — покачала она головой. — Могу я увидеть карту нашей четверти полушария?

— Женщины, которых я знал, — покачал головой капитан, — не ориентировались даже в карте собственного квартала...

— Должно быть, у них были очень скучные кварталы, — откликнулась писательница, с удовольствием отмечая, что очертания Средиземного моря почти не поменялись, да и старик Нил остался на месте. Решено! Она ткнула пальцем в точку на западном берегу, под самым

устьем. — Я так понимаю, мне в любом случае не представится возможность вернуться на Землю. Не прошу себе, если уеду, так и не побывав здесь.

— Далековато, — хмыкнул капитан. — Что там?

— Колыбель человечества, — гордо заявила писательница. — Очень много песка и очень древни руины.

— Как по мне, так и эти руины достаточно древние... — лениво протянул тот.

— Как по мне, так даже самое старое из местных зданий на пару сотен лет моложе тех, что есть в моем родном городе. Но по сравнению с Гизой все это игрушки...

Капитан с некоторым любопытством даже наблюдал, с каким упорством его спутница под палящим солнцем карабкается на песчаную дюну по направлению к гигантской каменной голове. В то же самое время сканировавшая местность К-5 выдавала какие-то удивительно невероятные данные о том, что скрывали эти пески на несколько сот километров вокруг. Это информация действительно кое-чего стоила. Капитан уже прикидывал, как они все это зашифруют и кому перепродадут. Похоже, эта барышня действительно разбирается, что и где тут надо искать. Если бы только они могли подольше отвлекать систему. Или хотя бы не нужно было два раза в день отчитываться перед Центром...

Но даже так они, пожалуй, не только полностью переоснастят корабль, но даже смогут позволить себе еще одного «Небесного Андроида» про запас...

В заметно приподнятом настроении он легко нагнал свою спутницу и, упершись ладонями ей в спину, помог достичь цели, где Ада с пафосом опустила на одно колено.

— О великий Сфинкс! — провозгласила она. — Спасибо, что позволил смиренной смертной с бесконечным почтением предстать пред твоим величием!

— Что ты делаешь? — с ноткой беспокойства спросил капитан.

— Выражаю свои чувства, конечно же, — беззаботно отозвалась писательница и, словно бы начисто забыв о своем «бесконечном почтении», оперлась о Сфинкса локтем.

— По-моему, он тебя не слышит, — заметил капитан.

— А это совершенно не важно, — усмехнулась та. — Людей вообще редко волнует мнение собеседника. Как правило, достаточно того, что он как бы есть...

Капитан пристально посмотрел ей в лицо.

«Ты бравируешь. Ты все еще хочешь быть услышанной...» — подметил он про себя и, подзвав К-5, достал из встроенного под креслом ящика с минимальным набором кружку, наполнил из резервуара с водой в хвосте машины и протянул спутнице.

— Выпейте — здесь жарко.

— А вы?

— Я пью пять раз в день, и сейчас еще не время.

— Очень жаль. А я собиралась предложить выпить на брудершафт... — Ада замаялась и исподволь взглянула на капитана. Может быть, это было слишком? Под его пронизывающим и (как ей показалось) очень холодным взглядом она смутилась еще больше. — Я знаю, что для этого нужно использовать алкоголь... — неловко пробормотала она, не зная как теперь выкрутиться. — Но я не пью, а в пустыне, по слухам, вода пьянит как вино, так что...

— Я не знаю этого обычая... — медленно произнес капитан, когда она снова запнулась. И что-то в его голосе непостижимым образом оставляло ощущение, что ей подали руку, чтобы помочь выпутаться из собственного монолога. — Из пояснений словаря я понял, что

речь идет о каком-то договоре. Каковы обязанности сторон?

— Договор... — слегка улыбнулась Ада. — Ну, наверное, можно и так сказать...

То, как она отводила взгляд, заставило капитана вспомнить о чем-то таком, с чем, возможно, он сам никогда и не сталкивался — о том, что даже таким как он переходит что-то от предыдущих поколений. Например, врожденное понимание языка жестов...

Он даже почувствовал некое притяжение, от которого начинала приятно кружиться голова, и даже... возможно он просто слишком долго не снимал сексуальное напряжение...

Вообще, он совсем не думал, что она принадлежит к тому типу женщин, которым нравится заниматься подобным с таким, как он. Строго говоря, он бы вообще не хотел, чтобы их отношения свелись к этому. Он сам не знал, чего хочет.

Ада заметила, как тот смотрит в песок, и напряглась еще больше.

«Вот черт! — думала она. — Кажется, я смутила бедного парня. Теперь он еще, чего доброго, начнет меня избегать...»

У капитана действительно была такая мысль, и его странным образом ободрило то, что она угадала его намерения.

— И все же о чем шла речь? — он улыбнулся, пытаясь показать, что все в порядке. — Мне даже просто любопытно.

— Ну, прежде всего, мы должны будем обращаться друг к другу на ты, — начала объяснять Ада, пытаясь убедить себя, что такое предложение вполне естественно. — Потом мы можем уделять друг другу часть своего свободного времени и проводить его за откровенной болтовней...

— Болтовней? — поднял бровь капитан.

— Ну да. Например, я говорю: «Представляешь, капитан, этот свинтус Джейк снова устроил мне истерику», а вы отвечаете: «Не грузи меня, подруга. У меня таких “Джейков” больше десяти штук, и каждый ломит кто в лес кто по дрова... Идем лучше чаю выпьем». Вы, кстати, как чай пьете, капитан? С сахаром или без?

— Я пью воду, — безучастно ответил капитан. — Принимаю успокоительное, когда мне нужно расслабиться, стимулятор, когда мне нужно долгое время быть в форме, и питаюсь специальным строго сбалансированным составом, содержащим все жизненно необходимые элементы...

— Я видела, как вы хомячили гадов из тарелки, — лукаво прищурившись, заметила писательница.

— Малькольм заявил, что я должен изображать человека, если хочу присутствовать на вашем первом randevu.

— У вас очень смачно это получалось, — вздохнула Ада и с некоторым испугом подумала: «Может ли это быть чем-то вроде запрограммированных действий?»

— Вам не нравится чай, капитан? — осторожно спросила она.

— Чай неудобно хранить, — передернул плечами тот. — К тому же он стоит денег. Но если вам станет от этого легче, я пью чай, когда прохожу восстанавливающие программы. Я люблю чай с сахаром и молоком...

— И молоком... — заморожено повторила Ада, слегка зарумянившись. Чай с молоком казался таким уютным. А по контрасту с довольно-таки суровым имиджем капитана он наводил на мысль о человеке, который себя поставил, но в то же время умеет в нужный момент снова стать собой. Она невольно потянулась к мягким, как у дорогой куклы, и одновременно по-мальчишески растрепанным волосам, но вовремя опомнилась и отдернула

руку. — Простите у меня рефлекс поправлять волосы, — нашлась она. — Я редко общалась с малознакомыми людьми.

Когда она убрала руку, капитан испытал облегчение и разочарование одновременно.

— И все-таки зачем это нужно? — хмуро спросил он.

— Ну... разговоры, общение... — неловко промямлила Ада, стараясь смотреть куда угодно, только не на него.

— Я уже понял, что речь идет об общении, — кивнул капитан. — Давайте я уточню: зачем вам нужно общаться со мной?

— Видите ли, — грустно улыбнулась Ада, глядя в песок. — Людям вообще нужно общаться. Сейчас у меня не осталось никого, кроме Джейка. Да и с тем я еще непонятно когда смогу встретиться. А даже когда смогу... с ваших слов мне показалось, что в его теперешнем состоянии это потребует от меня еще больше душевных сил, чем раньше. А даже если и нет — одного человека, чтобы создать круг общения определенно недостаточно. Из тех, с кем я уже успела познакомиться... У Марго круг интересов, кажется, несколько узковат, не то чтобы я вовсе поставила на ней крест, но скорее всего нам будет непросто договориться. Серж, похоже, неловко чувствует себя с женщинами. Такие парни, как правило, видят в любом объекте противоположного пола потенциальную партнершу. Возможно, я бы могла это преодолеть, но сейчас мне вообще больно думать о такого рода отношениях... Так что я бы предпочла первое время вовсе с ним не связываться. Что же касается Малькольма — он сноб и за полчаса непрерывной болтовни не высказал ни единой собственной мысли. С таким же успехом я могу читать учебник литературы — тот хотя бы всегда можно вовремя закрыть...

В то же время вы довольно-таки лояльны, не то чтобы вовсе непредвзяты, но все же способны мыслить самостоятельно...

— Знаете, — с некоторой тоской хмыкнул капитан, — ваша последняя фраза... для киборга это фактически смертельный приговор — мы нужны до тех пор, пока действуем в четком соответствии с требованиями...

— Я неправильно выразилась, — Ада быстро подняла руки в знак своей полной и безоговорочной капитуляции. — Мне как раз нравится, что вы не бунтарь, не лезете на рожон и вообще действуете разумно и по ситуации. Просто... Вас бы не сделали капитаном, если бы вы не могли принять самостоятельное решение в критический момент, если бы вы не могли взять на себя ответственность. Тем более капитаном каперов — тут почти все время нужен творческий подход, разве нет? И это не просто умозрительное суждение. Вы потащились со мной на эту прогулку, хоть это и против правил, и вы пьете чай с молоком...

— Молоко — это так важно, что вы забыли про украденную книгу? — криво улыбнулся капитан.

— Молоко — это очень важно, — серьезно кивнула Ада. — Но про книгу я не забыла, просто, так как она моя, я не могу думать о таком беспристрастно. Потому и собираюсь рассмотреть этот факт последним в списке и только в том случае, если других не хватит...

— Ладно, бог с ней, с книгой, — капитан позволил себе немного расслабиться и тоже облокотился о щеку Сфинкса. Он чувствовал некую покровительственную симпатию к собеседнице с оживленным блеском в серьезном взгляде. Было в этом всем определенно что-то детское. — Так что же вас так задело в молоке?

— Парень, который только старается казаться крутым, но на самом деле им не является, наверняка бы сказал, что пьет кофе. Я не хочу сказать, что кофе пьют только выскочки, я

сама очень люблю кофе... Просто только очень уверенный в себе человек может откровенно сказать, что любит молоко!

Капитан, в общем-то, и сам замечал, что любители молока часто подвергаются всяким шуточкам по поводу их нежной натуры. Однако на фоне большинства его проблем шуточки казались чем-то весьма незначительным... Замечал он и повальное пристрастие через силу пить кофе среди молодежи, пытающейся сделать себе имя.

— По-моему, искренняя любовь к кофе свидетельствует о чем-то вроде разочарованности или неуживчивости... — заметил он, следуя своим мыслям.

— Пожалуй, что так, — согласилась Ада.

— Ну, хорошо, — с улыбкой вернулся к прежней теме капитан. — Вам не кажется, что я зачастую несколько суховат в общении?

— «Суховат» — это слабо сказано, — усмехнулась Ада. — Но для меня это не недостаток, просто индивидуальная особенность. Будь все вокруг «плюшевыми», я бы, пожалуй, задохнулась. Для меня самое важное в людях умение и желание жить своим умом, а это довольно редкое качество. Так что здесь вы как бальзам на израненную душу. Другое дело: нужна ли я вам? Может, ваша жизнь и не банка с малиновым вареньем, но вы определенно нашли свое место. Скорее всего, у вас не так много свободного времени, если оно вообще есть. К тому же люди, увлеченные своим делом, не всегда могут легко отвлечься и переключиться на что-то еще. А я, к стыду своему, ну полный ноль в космических полетах и скорее всего не только не смогу поддержать разговор на эту тему, но даже вникнуть в его суть. Опять же, как вы уже правильно замечали, я чертовски болтлива, а это раздражает большинство мужчин. Поэтому я совсем не обижусь, если вы решите, что такое общение вам совсем ни к чему. Вот.

— Вы не то чтобы именно болтливы... — капитан качнул чашку, которую все еще держал в руках, задумчиво наблюдая за тем, как играют в воде солнечные блики. — Вы просто слишком уж стараетесь быть точной. И вот что я вам скажу: ваша затея весьма опасная штука. Вы говорите мне, что собираетесь стать частью «черного состава», а при этом ведете себя... слишком смело, даже для человека.

Ада вздохнула, ее глаза потухли, а щеки запыхали.

— Я поняла, капитан, — я буду тише воды, ниже травы! Могу я получить подробную инструкцию касательно общественных норм и все такое?.. Желательно в письменном виде...

— Я напишу для вас инструкцию, — кивнул капитан и ободряюще улыбнулся. — Однако при должной осторожности все это не кажется таким уж безнадежным, поэтому я принимаю ваше предложение. Вам в любом случае болтаться на моем корабле еще бог знает сколько времени, и лучше уж я сам за вами пригляжу, чем вы будете смущать мне команду и в особенности людей своими опрометчивыми фразами... Или даже выходками, на которые, по вашему собственному признанию, вы способны. К тому же так мне будет проще выяснить, сможете ли вы быть штатным пилотом или нет. Все-таки принять вас на эту роль — значит сэкономить кучу денег на человеческой зарплате. Ведь хорошие пилоты нынче недешевы...

Ада просияла.

— Значит, я на испытательном сроке, сэр?

Тот кивнул.

— Да, капитан! Я буду очень стараться не доставлять вам проблем, капитан! — писательница вытянулась по струнке, и снова это получилось у нее намного естественнее, чем она могла от себя ожидать.

— И еще одно, — вздохнул капитан. — Не называйте вы ради всего святого киборгов людьми, особенно в личном разговоре. Мы, знаете ли, обычно на это обижаемся...

— Это будет сложно, — опустила глаза Ада. — Ну не было других разумных существ в мое время — Джейк не в счет, его тоже все человеком называли... Но я очень постараюсь! Ну, так как насчет того, чтобы пожертвовать лишнюю кружку воды во имя нашей будущей дружбы? И я научу вас пить на брудершафт. Уверена, вы не каждый вечер братаетесь с тысячелетними женщинами у отбитого носа пяти с половиной тысячелетнего болвана.

— А вы неплохо знаете его возраст...

— Раньше многие его знали, к тому же он в некотором роде мой фаворит, — она с улыбкой погладила желтый песчаник и пробасила: — «Взгляни на меня, присмотрись, о мой сын Тутмос, я твой отец Хармахис... Узри мой подлинный вид, дабы защитить мои безупречные конечности. Меня покрыл песок пустыни, на которой я возлежу. Спаси меня и исполни все, что у меня на сердце», — это его монолог, — пояснила писательница. — А вы что обо всем этом думаете?

— О монологах я не думаю, — покривил душой капитан, у которого в действительности на какой-то миг мурашки пробежали по коже от внезапного почти осязаемого чувства бесконечного множества поколений ушедших здесь в пески времени, истинная память о которых сохранилась, казалось, только у этой женщины. словно бы целая покинутая планета посмотрела на него ее глазами, обратилась к нему этим низким, надтреснутым, то ли смеющимся, то ли плачущим голосом...

— А о Сфинксе? — она постучала костяшками пальцев по камню за своей спиной.

— Я всегда знал, что люди маньяки, но чтобы сделать такую здоровую дуру почти голыми руками...

— Разве ж это голыми руками? — усмехнулась собеседница. — Эти люди уже знали колесо и какие-никакие металлические орудия. Вот в противоположном полушарии есть похожие строения, сделанные людьми, не знавшими даже колеса...

Глаза капитана на миг вспыхнули от одной мысли о том, сколько можно выручить за информацию о чем-то подобном, собранную К-5, захватывало дух! Но он не мог дольше позволить себе рисковать — еще немного, и его положение, корабль и команда окажутся под угрозой...

— Возвращаемся, — кисло вздохнул он. — Но сначала... что там у тебя за ритуал?

Ада кивнула.

— Нужна еще одна кружка, сэр.

Из-за разницы в росте, неудобной сыпучей поверхности и легкой лукаво наигранной непонятливости капитана они провозились несколько дольше, чем можно было ожидать, и заметно развеселились в процессе.

— Спасибо, что вытащили меня на эту прогулку, сэр, — сказала Ада отсмеявшись. — Если бы мне пришлось провести день между Марго и Малькольмом, я бы определенно свихнулась.

— Ну, если я все правильно понял, теперь я для тебя Нулевой и на ты, — усмехнулся капитан.

Употребление цифры в качестве имени заставило Аду почувствовать неловкость. Хотя собственно этого можно было ожидать.

— Это... — неуверенно пробормотала она.

— Это мое личное обозначение, — с ноткой снисходительности пояснил капитан. —

Нулевой из Сто пятнадцатой. Сто пятнадцать — это номер команды. Позывной «Глизе 440»... — он запрыгнул в кабину «Косатки».

— Глизе 440? — переспросила писательница. — Это звезда — белый карлик, так?

Капитан замер.

— Да, это белый карлик, — медленно произнес он. — Слушай, есть что-нибудь, о чем ты никогда не слышала?

— Наверняка много чего, но откуда мне знать, я ведь никогда об этом не слышала. Ну, вот, например, я никогда не слышала о том, где и как нынче обретаются люди. А ведь они должны где-то обретаться, если рассуждать логически.

— А ты всегда стараешься рассуждать логически, — поддел ее капитан.

— Да нет... — Ада наконец взобралась на свое место. — Где-то в пятидесяти процентах случаев. Существует множество ситуаций, когда нужно довериться женской интуиции или просто плыть по течению. Что же до белых карликов, то ваш Глизе 440 просто ближайший одиночный яркий карлик. Есть еще звезда ван Маанена, но ее, кажется, не видно невооруженным взглядом...

— Растения, животные, обычаи, древности, звезды... И зачем тебе все это?..

— Разве это не очевидно? — передернула плечами Ада. — Я заработала свои небольшие бутерброды с икрой, сочиняя невероятные истории. А чтобы написать невероятную историю, нужно представлять себе, а что вообще вероятно, хотя бы в самых общих чертах... Иначе картина получится неубедительной, разве нет?

— Широкий спектр поверхностных знаний как профессиональное качество, — хмыкнул капитан. — Интересные, однако, встречаются профессии... определенно это не то, чем занимается Малькольм...

— Мы с ним стоим по разные стороны баррикад в войне между порядком и хаосом в литературе, — хмыкнула писательница, откидываясь на спинку кресла.

— И на чьей ты стороне?

— На стороне хаоса, конечно же, — фыркнула Ада. — Разве ты сам не замечал, что мои суждения звучат опасно? Однако, вопреки расхожему мнению, среди представителей порядка опасные фанатики встречаются гораздо чаще. Хаос ведь не предполагает отбора — а значит, либерален по своей природе... Но вообще-то любой здравомыслящий человек понимает, что истинная литература рождается именно в борьбе двух начал. И значит, победа не пойдет на пользу никому из нас. Только вот женская интуиция подсказывает мне, что Малькольм, он... не из здравомыслящих.

Капитан сверился со своими внутренними часами.

— Поздновато... — проворчал он. — Если снова поползем по-тихому, не успеем вернуться вовремя. Придется попробовать прорваться верхом...

— Что-то не нравится мне слово «прорваться»... — наморщила нос Ада.

— Всего лишь небольшая разминка, — передернул плечами капитан. — Немного веселья еще никого не убило...

Про себя Ада подумала, что на американских горках много кто умирал, и не только от несчастных случаев, еще и от сердечных приступов, например. Но озвучивать подобные соображения смысла не имело, так как капитан ничего не делает «без веской причины»...

«Косатка» взмыла вертикально вверх и, прорезав случайно прибудившееся облако, метнулась в северном направлении. Довольно быстро на хвост им село несколько сущностей, больше всего походивших на замшелые илистые островки. С той лишь разницей,

что острова не летают...

Ада решила быть смирной и ничего не сказала. Она продолжала молчать, даже когда их попытались взять в оцепление и сбить. Но когда прямо перед ее носом вынырнула очередная «кикимора», так что какую-то секунду стали отчетливо видны «усы» из обломанных стеблей папируса, писательница не выдержала: она выкрикнула нечленораздельное ругательство и подумала что-то нелестное о преследователях, их ИИ и его разработчиках.

Машины как ветром сдуло.

Капитан приоткрыл глаза. Он отчетливо чувствовал напряжение и упрямую решимость своей спутницы. А это значило, что защитный кокон, которым они решили для предосторожности на первое время окружить ее сознание, окончательно распался.

— Что вы сделали с системой охраны? — спросил он.

— Думаете, это я? — нерешительно пробормотала Ада. Ее дыхание медленно восстанавливало нормальный ритм.

— Ну не я и не «Косатка». Здесь есть кто-то еще?

— Может быть...

— Нет никого.

— Точно?

— Точно.

— Я точно не знаю, я испугалась...

— Я чувствую... — кивнул капитан.

— Чувствуете?

— Да. Практически все современные киборги могут улавливать эмоции окружающих. Это побочное последствие умения напрямую подключаться к системам своего типа. И это удобно — позволяет лучше контролировать подчиненных и много чего еще... Но мы не знали, как человеку это понравится, и поставили временную защиту лично для вас. Но теперь вы, кажется, совершенно ее сломали...

— Почему же я не замечаю ваших чувств?

— Потому что я относительно спокоен. Это профессиональное: чем меньше шума ты производишь, тем меньше шума в эфире, тем меньше это мешает другой технике. Но, возможно, ты услышишь что-нибудь, если прислушаешься...

— Возможно?

— У разных индивидуумов разная предрасположенность. И я понятия не имею, какая она у тебя. Контроль над Джейком съел все наши ресурсы, а ты не выпендривалась, так что мы решили не заморачиваться... В любом случае ты наверняка можешь слышать «Косатку».

И Ада действительно поймала себя на том, что слышит что-то вроде успокаивающего мягкого журчания где-то на границе сознания. «Косатка» определенно старалась ее поддержать.

Тогда писательница постаралась сосредоточиться на капитане. Тот определенно не собирался упрощать ей задачу. И все же в его молчании чувствовался определенный азарт и лукавство.

Капитан понял, что Ада до него дотянулась, и улыбнулся в ответ.

— А ты довольно-таки веселый парень, кэп, — отметила та.

— Просто в данный конкретный момент у меня необычно хорошее настроение, — хмыкнул он. — И может, все-таки Нулевой?

— По поводу этого... — Ада замялась, подыскивая формулировки, чтобы не обидеть собеседника. — Можно я буду называть тебя Глизе? На мой старомодный слух Нулевой звучит слишком холодно...

— Знаешь... в действительности позывной звучит не так, как в твоём языке... — заметил капитан.

— Ну и пусть, — отозвалась Ада. — Так даже лучше. Если только мы знаем, что имелось в виду, — это станет нашим маленьким секретом. Подчеркнем, что у нас особенные отношения...

Капитан заметно смутился, так что даже Ада смогла сразу заметить легкий эмоциональный скачок.

— Прости, — быстро проговорила она. — Возможно, я слишком тороплю события. А возможно, мне и вовсе не стоит пытаться выковыривать тебя из раковины, я ведь совсем не уверена, что потом смогу склеить ее обратно. Я-то росла в совсем других условиях, и у меня совсем другие привычки в общении... неуместные привычки. Я лишь надеюсь, что ты лучше меня знаешь особенности своей раковины, сможешь сохранить ее в целостности и легко и быстро заползти обратно, как только это станет нужно...

— Спасибо, что напомнила про раковину, — быстро ухватился за протянутую опору капитан и восстановил равновесие. — Думаю, мне как раз пришло время нарастить ее потолок. Удивительная забота о моих защитных механизмах...

— Ничего удивительного, капитан, — хмыкнула Ада. — Я ведь душу поставила на твою жизнеспособность, а душа — это единственная вещь, ценность которой я признаю безоговорочно...

— Любишь играть по-крупному? — довольно настороженно улыбнулся тот.

— Я вообще не люблю играть, кэп, — качнула головой писательница. — И если уж берусь за кости, то лишь когда ситуация требует крупных ставок...

— Знаете, вот уже некоторое время... — медленно откликнулся собеседник. — Нет. С самого начала мне не дают покоя *твои* защитные механизмы. Они определенно есть, но я не могу взять в толк, как они работают.

— И тем не менее они работают очень просто — просто противоположно твоим.

— Поясни.

— Ты достаточно прочный, но гибкий товарищ, мой капитан. Я же стараюсь быть прозрачной. Воздух — это мой идеал. Ты знаешь, что он есть, ты можешь почувствовать его прикосновение... — она дунула в лицо собеседнику. — Но ты не можешь его разрушить или поймать. Более того, сильный поток воздуха может приносить серьезные разрушения, так что меня нельзя назвать беззащитной или безобидной. В то же самое время это вещество жизненно необходимо для большинства живых существ. Так что не переборщите там с наращиванием панциря, кэп, а то еще, чего доброго, задохнетесь. И будет как в той песне:

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше...
И ужас режет души
Напополам!» —

она помолчала, но капитан ничего не ответил, лишь продолжал пристально смотреть ей в лицо. Тогда, чтобы снова не начать краснеть под этим немигающим взглядом, она продолжила напевать:

— И рвутся аорты,
Но наверх — не сметь!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу
Мешает проходу
«Рогатая смерть»!

— Запишите для меня слова, — тихо сказал капитан. Если бы он не боялся потерять из виду затаившиеся боевые единицы защитной системы, то наверняка бы попытался до Ады дотронуться, даже прижаться: таким сильным было сейчас это знакомое с детства чувство — чувство, что в ее глазах, как в хрустальном шаре, весь мир приобретает какие-то невероятные формы и смыслы, удивительно... красивые.

Конечно, подобное обостренное восприятие было не столько заслугой писательницы и ее удивительных личных качеств, сколько определенного рода жизненного опыта и специфической формы изоляции в которых существовал капитан. Но теперь это уже не имело значения...

— Заметано, — с улыбкой кивнула Ада.

Капитан тихо вздохнул.

— Как вообще можно сделать прозрачным то невероятное количество всякой всячины, которым ты напичкана? — пробормотал он, стараясь по ее примеру перевести нарастающее напряжение в отвлеченные образы.

— Все дело в разряженном состоянии веществ, кэп, — охотно пояснила писательница. — Знаете, в тех местах, где земная кора дает трещину и горячие испарения поднимаются от самого сердца планеты, в воздухе может содержаться почти вся таблица Менделеева...

— Да уж... — пробормотал капитан. — Таким воздухом и отравиться недолго...

— Это да, — кивнула Ада. — Но живым существам свойственно приспособляться, так что я стараюсь фильтровать свой состав в тех местах, где он соприкасается с окружающей средой...

— И чьи защитные механизмы на твой взгляд более эффективны? — капитану хотелось продолжить эту игру, слышать ее голос снова и снова...

— Дело не во взгляде, а в том, что я при всем желании не могу набрать плотность достаточную для защиты, поэтому я расслабилась и живу, как мне на роду написано. Да и вообще, по-моему, сравнения тут неуместны — с тем же успехом можно сравнивать цвет с объемом.

— И все-таки они связаны, — заметил капитан.

— Да, связаны, — согласилась Ада.

Капитан не глядя накрыл руку писательницы своей.

— Связаны... — одними губами произнес он.

— Да... — так же беззвучно отозвалась та, неуверенно сжав кончики тонких, нечеловечески гибких пальцев и в очередной раз удивляясь, что ладони не взмокли.

В то же самое время боевые единицы защитной системы собрались в тучу и, держась на приличном расстоянии (практически у самого горизонта), взяли их в полукруг.

— И все-таки... — медленно произнес капитан, с заметным сожалением переключая свое внимание. — Постарайся вспомнить, о чем именно ты подумала, когда испугалась. И кстати, мне нравится, как звучит «Глизе», только не используй это обращение при свидетелях...

— А мне нравится твое умение находить компромиссы, Глизе, — улыбнулась Ада.

У капитана перехватило дыхание. Правда заключалась в том, что персональное имя киборгу мог дать только хозяин. И речь шла не о продаже или покупке. В силу каких-то малопонятных причин определенные части системы кибернетического организма принимали какую-либо человеческую особь в качестве хозяина. Многие покупатели

киборгов, увлеченные этой идеей, годами придумывали всевозможные имена, ни одно из которых так и не было принято. И в то же время какой-нибудь случайный ребенок на улице, решивший подразнить проходящего киборга обидным словом, мог быть воспринят системой в качестве владельца. Мягко выражаясь, это создавала проблемы. Поэтому людей не допускали к общению с киборгами без специального инструктажа. В учебниках обычно писали, что механизм этого процесса так и не был изучен полностью, однако капитан подозревал, что тут имела место какая-то очередная военная или правительственная тайна.

И прямо сейчас он отчетливо ощущал, что его система восприняла имя Глизе именно таким образом — это было прямо-таки экстатическое состояние какого-то невероятного щенячьего счастья, которое совершенно не могли омрачить здравые соображения о том, как конкретно он влип. Более того, сама возможность рассуждать здраво воспринималась как доказательство того, что он сможет скрыть этот факт и повернуть сложившуюся ситуацию к обоюдному удовольствию.

— И никогда не спорь со мной при свидетелях! — выпалил он, довольно-таки успешно борясь с наплывом эмоций.

— Ни в коем случае, сэр, — уверенно кивнула Ада. — Но... по лицу, конечно, не скажешь, и тем не менее ты сильно волнуешься. Ты в порядке?

Ощущение ее заботливой встревоженности пьянило, как вино...

— Дьявол! Нет! — отозвался он с гремучей смесью упоения и досады в голосе. — Твои разговоры выводят меня из равновесия, а у нас за спиной творится черт знает что!

— Извини...

— Извиню, если ты ответишь на мой последний вопрос.

— Ну... — Ада попыталась собраться с мыслями. — Кажется, я подумала, мол, каким же бараном должна быть эта леталка, если лезет на рожон в такой ситуации. Ведь если его собьют, Родина его даже не вспомнит. В то же время, если она даст нам пройти, никто и слова не скажет — будет себе сидеть в мягком иле и наслаждаться теплой водичкой...

— С чего ты взяла, что мы можем его сбить?

Писательница наморщила лоб. Она определенно была в этом уверена. Кто-то сказал ей об этом. Такой успокаивающий голос нашептывал, что все будет в порядке, что, даже если преследователей станет слишком много, они всегда могут уменьшить их число. И это определенно не мог быть капитан, тогда...

— «Косатка». «Косатка» мне сказала... — выпалив это, Ада опомнилась и извиняющимся тоном обратилась к зеркальной передней панели: — Я ведь не выдаю никакой страшной тайны?

«Да, все нормально...» — проскользнула по панели бегущая строка.

— Что ж, поздравляю, — хмыкнул капитан. — Ты умеешь быть убедительной — они испугались. Причем все сразу...

— И что-то в вашем тоне заставляет меня думать, что это не очень хорошо... — заметил Ада, в то время как К-5 докладывала ей расположение противника.

— Не смертельно, — откликнулся капитан. — Единственное, теперь они считают нас серьезной угрозой, и придется думать, как увести их от корабля... — В ту же самую секунду он понял, что Двенадцатый пытается с ними связаться. — Легок на помине. К-5, разрешаю открыть голосовой канал...

«Косатка» подчинилась. Однако прежде, чем Двенадцатый успел что-то сказать, в эфире возник Второй.

— Кэп, вы в порядке? Тут черт те что...

— Я знаю, — спокойно отозвался капитан. — Я сам их спровоцировал.

— Что, серьезно? — почти возмутился старпом. — И вы совершенно уверены, что оно того стоило?

— Сначала заberi данные у «Косатки», а потом сам мне скажешь: стоило или нет... — проворчал капитан.

Второй так и сделал.

— Во имя черного сердца галактики!.. — выпалил он всего через пару секунд.

Ада тем временем прислушивалась к чувству нарастающего беспокойства, струящегося в воздухе. Ей даже не нужно было смотреть, чтобы знать, как заволновалось агрессивное черное облако на горизонте, как оно начало приближаться...

Определенно, боевые единицы не понимали смысла заключенного в диалоге. То, что их в действительности тревожило, это...

Ада мягко накрыла рот капитана ладонью.

«Тише, — подумала она как можно отчетливее. — Им не нравится ритм вашей речи...»

«Если мы сейчас прервем связь, команда встанет на уши», — ясно услышала она в своей голове.

«Если мы сейчас прервем связь, *эти* точно сорвутся с катушек, — качнула головой Ада. — Позвольте, я попробую успокоить их вкупе с командой?»

Капитан медленно кивнул, подавляя желание не дать ей отстраниться.

— Пусти меня в эфир, Косаточка, — мурлыкнула писательница. «Пустить в эфир выполнено», — отпечатала машина на передней панели.

Ада выдохнула, прислушалась к жужжанию встревоженного «роя», и медленно запела, тщательно выбирая подходящие интонации:

— Был озабочен очень
Воздушный наш народ.
К ним не вернулся ночью
С заданья самолет.
Радисты скребли в эфире,
Волну найдя едва,
И вот без пяти четыре Услышали слова:
«Ну, дела! Ночь была!
Мы с делами расквитались сполна!
Мы ушли, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле.
Вся команда цела,
И машина пришла
На честном слове и на одном крыле...»

Боевые единицы защитной системы начали странно вилять в воздухе. Ада готова была поклясться, что те пританцовывают. Ей даже стало немного лестно... так или иначе, цели она достигла: преследователи унялись и заметно подотстали.

Команда же отозвалась гробовым молчанием. Их недоумение было так очевидно, что

казалось, его можно пощупать. Однако Второй не просто так попал в старпомы в Сто пятнадцатой. Он достаточно быстро оценил ситуацию и ответил сатирическим памфлетом про то, что, мол, на каждый сбитый женщиной самолет противника приходится три сбитых ею же самолета союзников. Его правильный словно поставленный голос с красивыми модуляциями совершенно заморозил машины, которые, как оказалось, падки на искусство...

Глаза писательницы вспыхнули. В ней проснулся дух соперничества.

— Я этот небесный квадрат не покину!
Мне цифры сейчас не важны —
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит, и шансы равны!
И я попрошу Бога, Духа и Сына,
Чтоб выполнил волю мою:
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом воздушном бою!

— может, не так гладко, но зато с большим чувством отозвалась она.

Второй сходу вернул памфлет о превратностях женской дружбы. Благо специфическое прошлое старпома позволило ему приобрести значительный литературный багаж. И капитан, ощутив заметный укол ревности, понял, что эти двое нашли друг друга и могут продолжать так до бесконечности.

Хотя сейчас не это было важно. Совершенно сомлевшие машины теперь вереницей тянулись за ними только для того, чтобы послушать еще. Это нужно было прекращать. Капитан чувствовал, что безопаснее всего будет вмешаться в перебранку старпома со спутницей, вернув что-нибудь в том же духе. Но он, к несчастью, не знал никаких песен. То есть он, конечно, слышал несколько, но ни одной не запомнил — как-то было не до того.

«Отставить разговоры, черт побери...» — хмуро думал он про себя и вдруг вспомнил, что эта фраза была в эпиграфе, который Ада взяла к одной из своих глав. А ведь эпиграф, наверное, из какой-нибудь песни... точно из песни!

Капитан встрепенулся и, приобняв Аду, собравшуюся было отвечать на очередную колкость старпома, точно как она перед этим зажал ей рот ладонью.

— Мерцал закат, как сталь клинка...
Свою добычу смерть искала...
Бой будет завтра, а пока...
Взвод зарывался в облака...
И уходил... по перевалу, —

вкрадчиво почти прошептал он, произвольно касаясь носом ее виска и раздраженно повернувшись к передней панели, в которой сейчас для него персонифицировался старпом и корабль, и вообще все, что нарушало их уединение, и прорычал:

— Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...

Ведь это наши горы —
Они помогут нам!
Они помогут нам!

— Корабль разорвал соединение, — сообщила К-5.

Аде очень хотелось убедить себя в том, что она списывает щекотавшее ей ухо неровное дыхание капитана, как и его нарастающее волнение, на опасную ситуацию с леталками... но прекрасно помнила, с каким леденящим душу спокойствием он совсем недавно уходил от их прямых атак.

— Глизе?.. — робко произнесла она, чувствуя сильную горечь... и в то же время... она не хотела даже думать в этом направлении.

«Да, счастье мое...» — хотел откликнуться капитан, но вместо этого лишь прикусил язык и отстранился.

— Все в порядке. Не обращай внимания. На моем корабле никто и пальцем тебя не тронет.

Он помолчал, оценивая обстановку за бортом. Оставшиеся без песен машины вяло фланировали вокруг в какой-то прострации и мало-помалу начали рассеиваться, однако несколько настырных паразитов все-таки осталось.

— Твоя затея сэкономила нам время, — констатировал он, наконец. — Но от остатков тоже нужно избавиться. И есть у меня одна идея, как сделать это быстро... заодно проверю кое-что.

— А теперь что это такое?! — в который раз за последний час воскликнул Малькольм.

Серж, лениво попивавший кофе, в который раз скосил глаза на мерцавшую линию, описывающую траекторию «Косатки», и в который раз пожалел, что не может выставить настырного ученого за дверь. Он даже в какой-то мере завидовал «черному составу» команды: окопались в своем отсеке и, мол, не тронь их — карантин.

Правда, надо сказать, что на этот раз картинка отображала действительно нечто интересное.

— О! Это довольно известная фигура высшего пилотажа, — Серж придвинулся поближе. — Похоже, капитан решил оторваться по-быстрому. Если получится, он даже, скорее всего, успеет поужинать перед тем, как придет время выходить на связь с Центром.

— Надеюсь, он успеет принять успокоительное, — злорадно прошипел Малькольм. — Потому что я уже доложил в Центр о его неуместном поведении!

Серж наградил руководителя экспедиции тяжелым взглядом, но ничего не сказал. Специалист по ручному управлению принадлежал к числу вялых апатичных натур, которых сложно чем-либо заинтересовать и еще сложнее задеть или расстроить. Его мало занимали космические полеты, еще меньше каперство и уж совсем не интересовала жизнь корабля. Не то чтобы он вовсе не исполнял своих обязанностей, просто старался делать все по минимуму.

Однако после слов Малькольма даже такой человек испытал чувство, близкое к ненависти. Нельзя сказать, будто он считал, что стучать аморально. В действительности он вообще не задавался этим вопросом. И все же он знал, что у него есть непыльное место с хорошей зарплатой, позволяющей посылать племянникам дорогие сувениры, и достаточно длительным отпуском, чтобы проводить все праздники вместе с семьей сестры. И это непыльное место существует ровно до тех пор, пока существует его капитан. К тому же

экономика Федерации переживала сейчас не лучшие времена, так что Серж на своей шкуре успел ощутить, что потерять работу легко, а вот найти почти невозможно.

Впрочем, он был не из тех людей, кто долго смакует или выплескивает обиду, так что он просто отвернулся и продолжил наблюдение за полетом.

— Что-то не так? — сразу же наострился Малькольм.

«Наблюдательный, зараза», — со вздохом подумал Серж, а вслух ответил:

— Да просто, чтобы выполнить этот трюк, нужны два пилота. В машине их всего двое, так что вторым пилотом у него точно ваша красotka...

— Этого не может быть! — тут же возмутился Малькольм. — Эта леди в жизни не занималась ничем подобным!

— Да будь она хоть асом своего времени, это бы ей все равно не помогло — машинами тогда управляли совсем по другому принципу. Здесь может быть только одно объяснение...

— Какое же?

— Время от времени встречаются... индивидуумы, предрасположенные к ментальной синхронизации. Они быстро учатся обращению с машинами, а главное, из них получается идеальная группа поддержки для первых пилотов. Они понимают, что должны делать, просто считывая сознание ведущего. Впрочем, после тысячелетнего опыта синхронизации, думаю, любой таким станет...

— Но это же ужасно! — воскликнул Малькольм. — В ходе такого полета леди может получить психологическую травму, которая долгое время будет мешать ей нормально писать.

— Что-то за завтраком у нее не было большего желания писать, — Серж решился-таки выместить на надоедливом посетителе досаду за испорченный день и возможные неприятности. Однако даже это выходило у него в неподражаемо апатичной манере. — Да и вообще, будьте реалистом, Малькольм. Вы сами говорили, что крошка провела последние годы своей жизни, возясь с киборгами, — похоже, что у нее просто сменился круг интересов.

— Я же говорил, — вздернул подбородок Малькольм, — что это наверняка была вынужденная жертва! Обстоятельства должны были давить на нее! Уверен, если предоставить ей идеальные условия, она снова начнет писать!

— Да бросьте, — отмахнулся Серж. — Вы видели, как она давеча на капитана воззрилась — у моего зятя зоолога так глаза загораются, когда в зоосад новую крокодилу привозят.

Последний довод, кажется, все же смог поколебать уверенность начальника экспедиции, но сообщение о посадке К-5 избавило его от необходимости придумывать достойный ответ.

— А это весело, — слабо улыбнулась Ада, почти неосознанно переводя сиденье в лежачее положение и наслаждаясь любимым видом переменчивого островного неба, где все еще играло мягкое золото лучей позднего летнего солнца.

«Косатка» подняла защитный купол, и холодный вечерний ветерок игриво пробежал по лицу писательницы. Капитан взглянул на спутницу, и голову ему поднимать совсем не хотелось...

— На что ты там смотришь? — спросил он.

— На ветер... — откликнулась Ада.

— Ветер? — приподнял бровь капитан.

— Давным-давно я видела мультик. Там говорилось, что лучший способ увидеть ветер — это наблюдать за облаками.

— Это был обучающий материал об атмосферных явлениях? — уточнил капитан.

— Нет. О летающих котках и мечтательных детях, которые прогуливают уроки, чтобы фотографировать небо, растрачивая таким образом школьные ресурсы...

— Должно быть, школа была против...

— Да, но они все равно продолжали снимать небо, пока все не поняли, как это классно...

— Это сказка?

— Да, это сказка, но очень завораживающая.

И тут капитану в голову пришла необычная мысль, что у нее в детстве тоже могла быть какая-то история, как у него была ее книга.

— А ты на что смотришь, кэп?

— Пытаюсь представить, что ты могла читать в детстве...

— В детстве я была слишком нетерпелива, чтобы читать, — вздохнула Ада. — Думаю, в то время я не одной истории до конца не дослушала — мое воображение уносило меня бог знает куда уже после первых двух фраз. И я сочиняла собственные истории по обрывкам того, что видела или слышала. Истории, которые не мог понять никто, кроме меня... Думаю, что читать, как и слушать, я научилась тогда, когда стала по-настоящему интересоваться окружающими...

— Звучит похоже на симптомы обостренного восприятия, как у Второго, — заметил капитан.

— Так и есть, — кисло откликнулась собеседница. — Это то, что делает тебя более счастливым и более несчастным одновременно... А теперь я вижу, как ионизированные частицы гелиево-водородной плазмы бьются о верхние слои атмосферы прямо над моей головой...

Капитан все-таки поднял голову.

— Полярное сияние... — констатировал он. — Летом это редкое явление...

— Но бывает... — откликнулась Ада. — Я вижу его в третий раз, и каждый раз это было летом. В первый раз я была подростком, во второй, когда я вышла замуж, и вот теперь... Это судьба, кэп.

— Что случилось, когда ты была подростком?

— Это сложно объяснить, — писательница пошевелилась в кресле, устраиваясь поудобнее. — Я видела закат — думаю, тогда я начала проявлять интерес к миру...

— Звучит как фраза из репертуара Малькольма.

— И это правда. Тот, кто видел закат, никогда не станет говорить о нем.

— Почему?

— Попробуй что-нибудь сказать обо мне, кэп. Что-нибудь, что не будет звучать глупо или пошло. И ты поймешь, о чем я.

Капитан сглотнул.

— Там был еще кто-то? — тихо спросил он, слегка касаясь ее волос.

— Нет. Только дурацкое чувство, что тот, кого ты ждешь, никогда не придет, что то, чего ты хочешь, никогда не случится...

— Откуда ты знаешь? — капитан свел брови и закрыл глаза, из последних сил стараясь сохранить остатки безучастного выражения на лице.

— Когда ты смотришь на меня, в твоих глазах отражается закат. Это позволяет предположить, что меня ты на самом деле не видишь... — Она почувствовала какой-то эмоциональный шум на горизонте и, приподняв голову, увидела Сержа и Малькольма,

бегущих к ним через поляну. Так что имя «Глизе» Ада произнесла одними губами.

— Привет, мальчики, — она широко улыбнулась людям одними губами. — Как вы тут? Скучали без нас?

«Смотри, я тоже могу прикинуться шлангом, — Ада лукаво глянула на капитана. — Только долго не выходит. Злиться начну уже минут через пять...»

— Вы в порядке, госпожа Пеночкина?! — выпалил Малькольм, останавливаясь перед «Косаткой».

— Приятный ветерок, хорошая компания — что может быть лучше? — лениво отозвалась писательница. Однако было в этой лености что-то угрожающее. Так зевают отдыхающие после обеда львицы: да, она не голодна и ей не хочется менять позу, но ты уже видел ее клыки, и если продолжишь маячить на горизонте и отвлекать ее, то почувствуешь их на себе.

Серж, выросший в обществе сестры и ее подружек, сразу понял намек и слегка отступил. В то время как Малькольм вообще был не из тех, кто способен услышать то, чего слышать не хочет.

— Вы так снисходительны! Как и положено истинной леди! — воскликнул он, после чего напустился на капитана. — Ах ты, мерзкий карлик! Ты хоть понимаешь, кого подвергал опасности?!

— Это был оправданный риск, мистер Малькольм, — безучастно отозвался тот.

В ответ Малькольм размахнулся и залепил ему увесистую оплеуху. Капитан даже не моргнул. Вообще говоря, он мог легко увернуться — это было право, в котором капитан обычно себе не отказывал. Но сейчас ему хотелось получить серьезные повреждения. И на то было две причины. Во-первых, капитан понимал, что всего за полдня сделал больше глупостей, чем за всю свою жизнь. Кто-то должен был вывести его из этого состояния прямой эйфории и вернуть с небес на землю. А во-вторых, он с неизъяснимым наслаждением предъявит счет за порчу казенного имущества, превышающий страховку чертова профессоришки в десять раз...

Конечно, оплеуха — это не серьезно, но Малькольм, раздосадованный безразличным видом оппонента, уже занес руку для второго удара, на этот раз сжав ее в кулак... который так и не долетел. Ада перехватила его. Вообще-то у нее была неплохая скорость реакции, однако ее прежнее тело, привыкшее к довольно вальяжному образу жизни, редко поспевало. Впрочем, сейчас писательница была слишком зла, чтобы удивляться удачной попытке.

— Прекратите сейчас же, господин Малькольм! — прошипела она. — Вы ведете себя как плебей!

— Вы, наверное, считаете этих тварей кем-то вроде людей... — начал Малькольм.

Глаза Ады сузились.

— Да будь он хоть мебелью, — прорычала писательница, со злостью сжимая кулак Малькольма. — Некрасиво вымещать свою злость на том, что не может ответить вам тем же. Либо просите его драться с вами на равных, либо, если не знаете, как это правильно сформулировать, деритесь... — вариантов особо не было... — вон, с Сержем!

— Я не могу драться, я пацифист! — поднял руки специалист по ручному управлению и отступил еще на два шага.

Малькольм ничего не сказал, он взвыл от боли, потому что как раз в этот момент несколько косточек в его кулаке с хрустом сломалось...

— Все, хватит! — капитан оттащил писательницу от литератора.

Ее тупой холодный гнев совсем не походил на состояние аффекта, даже на эмоциональную вспышку не тянул...

«Мы недостаточно хорошо знакомы, чтобы она так злилась из-за меня. Она защищает меня потому, что я такой же, как Джейк...» — эта последняя мысль сильно разозлила капитана, разбив, наконец, сияющий кокон счастья, его окружавший, и вернув в прежнее состояние.

— Ты не продержалась и трех минут, — холодно заметил он.

— Когда я давала прогноз, то не предполагала, что меня спровоцируют, — так же холодно отозвалась Ада, чувствуя внезапную перемену в капитане, но не понимая причины.

— Ты совершала акт насилия по отношению к человеку, — заметил капитан.

— Я всего лишь защищала общественное имущество... — хмыкнула Ада. Она вдруг почувствовала страшную усталость от всего происходящего.

«Быстро соображает», — про себя похвалил капитан.

— И все-таки ты нанесла ему увечье, — сдвинул он брови.

— Просто меня не успели проинструктировать касательно моих возможностей, — лицо писательницы ничего не выражало впервые с тех пор, как капитан ее увидел.

Ему даже стало немного обидно.

— Ладно, это моя ошибка, — согласился он. — И все-таки я вынужден предъявить тебе ультиматум...

— Я слушаю, сэр.

— Либо ты под домашним арестом с этой минуты, либо испытательный срок отменяется, и я не возьму тебя в команду... никогда.

— Вам не кажется, что наказание слишком мягкое для киборга, сэр? — уточнила Ада.

— Я учел перечисленные тобой смягчающие обстоятельства.

— Тогда я буду в своей каюте, сэр, — кивнула Ада, выбираясь из машины. — Я ведь правильно назвала место домашнего ареста?

— Вы не должны, госпожа Пеночкина! — крикнул Малькольм, скрежеща зубами. — Вы ведь не киборг! Неважно, что вам наговорил этот маленький дьявол!

— Я киборг, господин Малькольм, — фыркнула писательница, глядя в землю перед собой. — И никто мне ничего не говорил. Просто я не дура и могу заметить разницу в собственном физиологическом состоянии до и после... — и она направилась в сторону корабля.

— Серж, проводите мистера Малькольма в медпункт, — вздохнул капитан, с некоторой тоской глядя в спину удаляющейся писательнице. — Двенадцатый, прими К-5 и сообщи команде, что я буду через...

Договорить он не успел, так как Малькольм выстрелил в него из табельного оружия, положенного даже временным членам корсарской команды. Хотя профессор все равно не знал, куда стрелять, а если бы и знал, то вряд ли попал бы...

«Несанкционированная попытка уничтожения машины класса А-0, это уже даже не штраф — это трибунал, — с мрачным удовлетворением подумал капитан в то время, как на лбу у него выступил пот (внутренние системы первой помощи, включившись, подняли температуру тела). — Вопрос лишь в том, согласится ли Серж свидетельствовать против Малькольма, если я подниму ему зарплату...»

— Изолируйте его, Серж. Кажется, он буйный... — вслух сказал он.

Малькольм перевел оружие на специалиста по ручному управлению и выкрикнул:

— Не приближайся, или я и в тебя выстрелю!

— Он наставил на меня пушку, сэр, — довольно-таки апатично сообщил Серж.

— Поверить не могу, что с нами послали такого идиота, — вздохнул капитан и, одним движением оказавшись рядом с Малькольмом, профессиональным ударом отправил ученого в нокаут и улыбнулся Сержу. — Теперь он весь твой.

— Спасибо, капитан, — пробасил тот — видимо, успел слегка струхнуть.

— Да, всегда пожалуйста... — почти дружески откликнулся тот и кисло посмотрел в сторону корабля.

Рана была неопасна и после встречи с доком вообще прекратит свое существование, однако сейчас она доставляла заметное беспокойство... И тут он увидел Аду, в нерешительности замершую у самого шлюза.

— А вас, мэм, от домашнего ареста никто не освобождал, — мрачно выдохнул он.

— Но... — пробормотала та, испытывая сильное желание взять его на руки и отнести в медпункт или куда там еще носят раненых киборгов.

— Ты обещала не спорить, — напомнил тот.

— Да, сэр, — вздохнула Ада и скрылась в открывшемся шлюзе.

Контр-адмирал не любил киборгов. В конце концов, эти твари заняли его любимое судно, и не только его... Но все же правительственных крыс он не любил еще больше. Эти чинуши так обожают кричать о том, что, мол, истинную доблесть, необходимую в космосе, могут проявить только люди, но стоит малейшему признаку финансовой нестабильности замаячить на горизонте, как весь человеческий состав флота оказывается не у дел! То, что киборгам не нужно платить, их проще лечить, да еще вкупе с феноменальной трудоспособностью, как-то сразу же оттесняет доблесть на второй план...

В то же время следовало признать, что и среди киборгов встречаются неплохие парни. Взять хоть капитана Сто пятнадцатой каперской команды. В условиях, когда людей почти что запретили принимать на работу, этот чертяка как-то протащил к себе на борт сразу двоих. Он с такой неподражаемой бесстрастностью говорил о строгой функциональной необходимости такого решения, что эти штатские снобы просто не могли ничего поделывать. Профессиональное восхищение ловкостью капитана переходило почти в восторг от того факта, что благодаря этой уловке удалось пристроить дочь прежнего боевого товарища контр-адмирала. Старый вояка уже некоторое время чувствовал себя очень некомфортно, наблюдая плачевное состояние семьи друга.

Вопреки всем своим принципам, контр-адмирал даже попытался предложить ответную услугу. Но киборг, улыбнувшись по традиции одними губами, ответил лишь:

— Ну, что вы, сэр. Киборги созданы, чтобы служить людям, разве нет?

И все-таки, если бы не ярко выраженная кукольная внешность, контр-адмирал поставил бы все свои деньги на то, что это человек, который просто хорошо притворяется... Так что он почти не удивился, когда услышал, что очередной штатский червяк до капитана таки докопался. Этим паразитам и дела нет, что из-за их мелких интриг может распасться лучшая команда во флоте. Или они специально стараются ослабить то, что осталось от армии...

Таким образом, контр-адмирал смерил новенький с иголки костюм делегата неприязненным взглядом и решил драться за своего капитана до конца. Хотя в сложившейся ситуации возможностей у него было немного. Время, оставшееся до связи с кораблем, прошло в тягостном молчании. И стоило только изображению кукольной фигурки появиться перед ними, как контр-адмирал сразу понял, что...

— Ранен, Нулевой?

— Ерунда, сэр. Просто штатский молокосос совсем одичал в отрыве от своего коллектива и принялся бросаться на мебель... — ответил киборг.

— Что-то я никогда не слышал, чтобы мебель пыталась отобрать у детей их игрушки, — встряла правительственная шестерка.

— Видимо, вы мало имели дело с детской мебелью, сэр, — не моргнув глазом откликнулся капитан. — Ее обычно конструируют таким образом, чтобы оградить детей от опасности, заложенной в их избыточной активности. Причем детям зачастую кажется, что мебель пытается их чего-то лишиться... У детей вообще очень богатое воображение: например, они могут принять за леденец кусочек урановой руды лишь на том основании, что он имеет похожий желтый цвет... И прошу вас особо обратить внимание на то, что в функционал мебели не входит ни воспитание, ни образование детей — только ограничение их активности.

«Что он несет?» — не поверил своим ушам адмирал.

Однако делегат вовсе не был огорошен, скорее заинтересован.

— Вы полагаете, что госпожа Пеночкина не та, за кого ее принимает мистер Малькольм? — уточнил он.

— Именно так, сэр. Сегодня я имел случай наблюдать ее во многих ситуациях, сэр. И за все это время ее эмоциональная дестабилизация не превысила допустимой для функционально пригодного киборга... Она может быстро взломать защитный кокон, но делает это, только когда уровень опасности превышает восемьдесят процентов. Она практически мгновенно синхронизируется как с искусственными, так и с синкретическими формами разума. Более того, она достаточно легко нейтрализует агрессивность низших форм, таких как беспилотные боевые единицы, например. К тому же она с первой попытки смогла ассистировать при выполнении К-5 Сложной Спиральной Ловушки Блейра. Нужно еще слегка систематизировать материал, но отчет будет не позже чем завтра утром. Если хотите знать мое профессиональное мнение, мы имеем дело с психотипом очень высокого класса, сэр.

— Но разве индивидуумы такого типа не обладают высокой эмоциональной нестабильностью? — продолжал допрос делегат.

— Это так, — кивнул капитан. — Но данная конкретная особь хорошо приспособилась. Она прекрасно знает слабые стороны своей психики и сознательно использует различные уловки, чтобы сохранить ее целостность.

— Уловки? — заинтересовался штатский. — Какие?

— Самые простые. Чувство юмора, например. Просто она делает это весьма виртуозно...

— И, чтобы выяснить это, вы вопреки уставу покинули корабль?

Капитан даже не шелохнулся. Он, конечно, очень надеялся перевести стрелки, но шансов на то, что на такое серьезное отклонение в поведении киборга просто закроют глаза, фактически не было. Все, что он мог теперь сделать, это открыть остатки карт и молиться.

— И это тоже, — спокойно сказал он. — Но главной целью было разделить СУ с его компаньоном. Предварительные сведения полностью подтвердились: он действительно неуправляем и даже коварен, а в присутствии госпожи Пеночкиной и вовсе чертенеет. Он чуть не поломал нам все корабельные системы управления, пытаюсь с ней связаться. Если бы это случилось, Федерация потеряла бы корабль класса А-12...

— И все-таки вы нарушили устав, — гнул свое штатский.

Капитан почувствовал, что его пытаются загнать в угол. И немудрено — тот факт, что кто-то выбрался живым со Старой Планеты, доставит много проблем очень большим людям. И все-таки, он не мог просто согласиться. Последнее, что пришло в голову, это слова писательницы: «Я не говорю, что вы бунтарь, просто...»

— Принимать самостоятельные решения в критической ситуации прямая обязанность капитана, если бы я не имел на это права, то не мог бы управлять кораблем, — ответил он со спокойным безучастным раздражением, незаметным ни на лице, ни на приборе.

— Истинная правда! — оживился контр-адмирал. — Так в уставе написано. Капитан Сто пятнадцатого в принципе не из тех, кто может нарушить должностную инструкцию. И если вам нужны необходимые заключения, то они завтра же будут на вашем столе.

— С большим интересом прочту их завтра же, — кивнул штатский. — Так вы полагаете, что эта ваша находка — Пеночкина — может быть полезна во флоте?

— Определенно, сэр. Однако я бы не советовал переводить ее на другой корабль, сэр. По крайней мере, пока.

— Это еще почему?

— Во-первых, ее психика, безусловно, способна выдержать значительные нагрузки, но я не поручусь, что она справится, если вдобавок условия начнут слишком быстро меняться. Вторая же причина в том, что отношения госпожи Пеночкиной с СУ требуют особого такта. Мы, кажется, уже более или менее адаптировались, но в силу сложившихся норм поведения другой команде будет сложно это понять.

— Что особенного может быть в отношениях человека и киборга? — скривился штатский.

— Ну... на данный момент по факту они оба киборги. Конечно, госпожа Пеночкина относится к несколько необычному виду киборгов... — Уместнее было бы сказать — нелегальному, но капитан счел это неразумным. — Но это уже другой вопрос. В любом случае она определенно склонна относиться к Джейку как к собственному ребенку. И не только из-за длительной синхронизации, но и из-за того что, несмотря на долгий и, судя по всему, счастливый брак, у нее никогда не было собственных детей...

— Женские сопли...

— Согласен, — невозмутимо кивнул капитан. — Однако в нынешних обстоятельствах это ее единственный жизненный стимул, и попытки его отобрать определенно вызовут агрессию.

— Вы так думаете?

— Она уже сломала кисть руки мистеру Малькольму.

— Она агрессивна к людям?

— Не похоже. Это единственный случай, к тому же она уже подружилась с нашим помощником по снабжению, а это человеческая женщина.

Конечно, Ада никогда бы не назвала их нынешние отношения дружескими. Но человеческим мужчинам, все свое время отдающим работе, две улыбающиеся друг другу женщины уже кажутся подругами. Так что капитан решил, что в этом смысле не погрешил против истины.

— Речь идет о лейтенанте Маргарите Морис? — уточнил контр-адмирал.

— Да. О ней, сэр.

— Она не доставляет вам проблем?

— Она отличный сотрудник, сэр. Настоящая находка. Что же до госпожи Пеночкиной, откровенно говоря, не думаю, что кто-то еще сможет сладить с этой бестией СУ. Так что будет разумно пойти в этом у нее на поводу. Эта совсем небольшая уступка, учитывая, что она согласилась работать в «черном составе» команды, если я позволю им с Джейком остаться на моем корабле.

— Похоже, вы ей понравились, капитан, — усмехнулся штатский.

— Скорее она считает меня достаточно предсказуемым и адекватным, особенно в сравнении с мистером Малькольмом. А от добра добра не ищут, как говорится...

— Если ты обстряпаешь это дельце, капитан, — снова попытался поддержать его контр-адмирал, — это сэкономит кучу денег правительству, а в дальнейшем, скорее всего, принесет значительную прибыль.

— Я тоже так думаю, сэр, — снова согласился капитан, втайне ненавидя себя за все вышесказанное. В сложившейся ситуации ему меньше всего хотелось впутывать Аду. И в то

же время он ясно понимал, что если сейчас сам не выпутается, то позаботиться о ней точно будет некому... и об остальной команде тоже. Второй был отличным старпомом, но для капитана команды киборгов ему все же не хватало твердости и железа в воле. Остальные парни и вовсе были хороши лишь на своих местах...

Штатский тем временем хмурился своим мыслям.

— Расскажите о вашей поездке, — наконец потребовал он.

— Ну... изначально я предложил посетить место, где она жила в последние годы перед несчастным случаем. Однако характер увиденных нами строений заставил госпожу Пеночкину прийти к заключению, что ее прежнее жилище, скорее всего, не сохранилось. Поэтому она предложила изменить план. Она знает, где располагаются постройки, которые точно не должны были исчезнуть, и мы посетили несколько.

— С какой целью?

— Используя собственные сенсорные возможности, госпожа Пеночкина тщательно исследовала состояние объектов, как то степень запустения, распространение лишайника и других живых организмов... а также незначительные изменения антропогенного характера. На этом основании она сделала выводы касательно прошедшего времени, периода исхода людей и их предшествующей деятельности... Она неплохо подготовлена для человека, не специализирующегося в этой области.

— Это были здания религиозного характера?

— Мне сложно судить, сэр. Возможно, изначально... но, насколько я понял со слов госпожи Пеночкиной, в ее время это уже было что-то вроде традиционной формы сохранения информации. Я и раньше замечал, что люди зачастую привержены традициям, которые не кажутся функционально оправданными. Однако эти здания, они действительно... заставляют задуматься.

— Насколько старым было самое древнее из строений?

— Около пяти с половиной тысяч лет, сэр.

Контр-адмирал присвистнул. Однако штатский, проигнорировав его, все так же хмуро продолжал допрос.

— Надо полагать, вы собрали всю возможную информацию?

— Информацию вывозить не запрещено.

— Вы собираетесь ее продать?

— Задание было опасным, и корабль получил значительные повреждения, сэр. А полноценный ремонт стоит денег. К тому же мы давно нуждаемся в замене и дополнении некоторого оборудования. Однако тридцать процентов мы перечислим в Центр, как и положено по уставу.

— Я же говорил вам, что команда Сто пятнадцатого прекрасные каперы, — вставил контр-адмирал. — Они не только тщательно выполняют задания, но и приличный доход приносят...

— Теперь будете перечислять пятьдесят процентов, — довольно грубо прервал его штатский.

— Могу я узнать, на каком основании? — безучастно спросил капитан.

— На том основании, что текущая группа вашей секретности не позволяет вам покинуть Старую Планету. Если вы собираетесь продолжать каперскую деятельность, да еще и держать на борту таких опасных существ, как СУ и Пеночкина, вам определенно придется повысить группу секретности, а более высокая группа для каперов облагается более высоким

налогом. Однако, чтобы все было ясно, ни вам, ни кому-либо из постоянных членов вашей команды не будет предъявлено никаких обвинений. Приказ о присвоении группы будет у вас завтра утром. Продолжайте работать.

После того как связь прервалась, капитан еще какое-то время стоял и молча смотрел в пустоту. Он знал, что в кабинете собралась почти вся команда. Однако парни не производили ни звука, старались даже не думать.

— Не удивлюсь, если этот паразит поимеет нас на наши же деньги, — наконец, медленно произнес он. — Эх, плакал новый «Небесный Андроид»... Ну ничего, мы устроим себе небольшой отдых. Вы, парни, что предпочитаете: лазурные пляжи или горные лыжи?

— Горные лыжи, — хором ответила команда.

— Так я и думал, — кивнул капитан, тяжело опускаясь в кресло.

— Удивительно, как ты выкрутился, кэп, — заметил Шестой, по обыкновению свешиваясь откуда-то с переборок. — Мы, конечно, всегда в тебя верили, но сегодня ты был просто невероятен!

— Знаю, — кивнул капитан, делая большой глоток из стакана с успокоительным, протянутого доком. — Сам себе удивляюсь.

— Может, отметим? — предложил Четвертый. — Все же не каждый день мы уходим от неизбежного краха.

Команда одобрительно загудела, поддерживая идею.

— Отличная мысль, — вздохнул капитан. — Но не сегодня. Вы же слышали: мне надо представить им все данные к утру.

— Кстати о том, что мы слышали, — с беспокойством подал голос Второй. — Ты действительно собираешься пригреть эту человекоподобную женщину?

— Мне бы не хотелось... — совершенно искренне морщась, сказал капитан, думая, что впутывать в такие дела хороших людей вообще свинство. — Если ты знаешь способ выкрутиться из всего этого без ее участия, я слушаю...

— Прости, кэп, — сразу же сдулся старпом. — Я вообще не думал, что из этого можно выпутаться. А так мы в заметной прибыли даже с учетом этих дьявольских тарифов...

— К вопросу о женщинах, — хмыкнул капитан. — Как там наша человекоподобная, Двенадцатый?

— По вашему приказу проследовала в комнату, заперлась там и с тех пор плачет... — откликнулся корабль.

— Нормальное женское поведение, — заявил старпом.

— Было бы нормальным, — фыркнул Седьмой, — если бы эмоциональная дестабилизация вышла за рамки функционально допустимой.

— Таким образом, она ревет уже больше часа, — попытожил капитан, борясь с желанием пойти и проверить, как у Ады дела. — Если еще через час ситуация не изменится, пошли к ней Марго с ужином, Двенадцатый. А нам, парни, нужно работать.

И они стали работать.

Вопреки ожиданиям, дело у капитана пошло на удивление легко. Всего через пару часов с отчетом было практически покончено...

— Капитан, ваша трудоспособность превышает максимально зарегистрированную на сорок восемь и семь десятых процента. А базовую так почти на восемьдесят... — заметил корабль.

— Спишем это на адреналин и нервное перевозбуждение, — откликнулся Нулевой,

устало массируя переносицу. — У меня еще никогда не было такого сумасшедшего дня. Как там Пеночкина?

— Плачет...

— Почему ты не послал к ней Марго?

— Я пытался, кэп... — в этом месте корабль бы точно вздохнул, если бы имел легкие. —

Она отказывается подчиняться приказам...

Нулевой приподнял бровь.

— На каком основании?

— Она не дала вразумительного ответа. Однако Второй назвал это нормальным женским поведением... Если без протокола, я тоже считаю, что подобное развитие событий вполне ожидаемо...

— Объяснись, — сухо потребовал капитан.

— Лучше я покажу, — предложил корабль.

Марго с грохотом опустила поднос на столик у кровати Ады. Писательница оторвала лицо от почти насквозь промокшей подушки и попыталась придать зареванной физиономии бесстрастное выражение.

— Послушай, ты!.. Ты... ты... стерва! — зашипела Марго, на шкале ее эмоционального баланса появился высокий и острый пик. — Капитан мой! Слышишь, мой! Я спала с ним двенадцать раз — двенадцать, понимаешь?! — на шкале появилось еще несколько пиков, хоть и не таких резких.

Ада, чуть опустив голову, склонила ее набок, как приготовившаяся к атаке коза. Ее эмоционально напряжение бессильно билось возле заветной черты, так ни разу ее и не перепрыгнув.

— Ты совсем дура, да?! — выпалила она и, схватив со столика стакан, швырнула Марго под ноги. Осколки со звоном разлетелись по полу, капли жидкости взметнулись вверх маленьким фейерверком.

Марго тупо уставилась на остатки сверхпрочного стекла.

— Ты что, не понимаешь, что их больше нет! Никого! — Ада шмыгнула носом. — Родителей, мужа, друзей, сестры с семьей... даже чертова волнистого попугайчика, что подкинула мне племянница!

Марго замерла, на ее эмоциональной шкале возникали сложные узоры.

— Так что избавь меня от излишне подробного описания своей личной жизни! — писательница кинулась на спину и закрыла лицо руками. — Может быть, позже... — добавила она уже спокойнее.

Марго профессиональным жестом вызвала механического уборщика и осторожно присела на край кровати.

— Извини, я действительно дура, — вздохнула она, неловко складывая руки на коленях.

— Да ладно... с кем не бывает... — не меняя позы, откликнулась писательница.

— Ты очень его любила? — тихо спросила Марго.

Ада разозлилась. Какая теперь разница, что у нее там было?! Леденящий душу холод приятно разлился по жилам, изгоняя глубокую неизъяснимую печаль.

— Да я в жизни никого так не любила, как этого скотского попугайчика, — криво ухмыльнулась писательница. — Хоть он, поганец, постоянно орал, гадил и норовил простудиться от каждого сквозняка! И все равно он протянул у меня целых девять лет —

девять! Хотя в природе они не живут дольше трех — четырех...

— Почему не живут? — невольно заинтересовалась Марго.

— Это все сквозняки виноваты, — хмыкнула Ада. — В природе их гораздо больше, чем в квартире... — и быстро добавила: — А также вирусы, хищники, недостаток корма и прочие превратности жизни...

— Бедные попугайчики, — вздохнула Марго. — Но ты ведь поняла, что я не про то спрашивала.

— Оставим это, Марго, — скривилась Ада. — Если я сейчас окончательно раскисну, то уж точно не смогу вернуть себе приличное состояние. Нужно срочно чем-то себя занять. Тебе там на камбузе помощь не нужна? Хочешь, я картошку почищу?

— Что, прости? — снабженец хлопнула длинными накладными ресницами и наморщила лоб, прислушиваясь к объяснениям словаря, привычно жеманным жестом прижимая к уху гарнитуру. — Ах, нет. Извини, но мы храним все продукты в форме полуфабрикатов.

— Очень практично, — кивнула Ада. — Уверена, так они занимают намного меньше места.

— И все-таки совсем не то, что свежеприготовленная еда, — вздохнув, надула губки Марго.

— И все же они должны быть вкуснее той пасты, что едят капитан и его команда, — усмехнулась писательница.

— По поводу пасты... — Марго неловко покосилась в сторону уцелевших остатков ужина. — Капитан приказал мне...

— Кормить меня пастой? — догадалась Ада. — Замечательно, значит, испытательный срок в силе...

— Что испытываем? — с притворным безразличием поинтересовалась Марго, в то время как ее глаза ревниво блеснули.

— Мою решимость остаться с Джейком, несмотря ни на что.

— Ах, Джейк... — выдохнула Марго с ноткой недоверия. — Все время про него забываю... Он действительно существует?

Ада тяжело вздохнула.

— Я не знаю. С тех пор, как я здесь, я ни разу его не видела. Однако, со слов капитана, он доставляет «черной команде» много хлопот, — она взяла тарелку, с подозрением осмотрела белое содержимое и сообщила со вздохом: — Напоминает лекарство от гастрита.

— Гастрит? — удивилась Марго. — Не думала, что такой известной и богатой даме приходилось голодать. Или ты часто забываешь поесть вовремя?

— Во-первых, — писательница отправила в рот ложку белой жижи, — при жизни я была не слишком известна и уж точно совсем не богата. Во-вторых, писатели не рождаются с авансом в руках. Чтобы получить первые деньги, нужно хоть что-нибудь написать, а это требует много времени, иногда так много, что на дополнительный заработок уже не остается. В-третьих, голод — это не единственный способ получить гастрит. В-четвертых, я могла увидеть лекарство где угодно... Хотя на самом деле действительно всему виной тяжелые времена...

— Вторую ложку она взяла куда более уверенно. — Это лучше, чем я думала. Каким образом можно полностью лишить пищу вкуса? Ведь если здесь действительно собраны все необходимые вещества, они должны как-то влиять на вкусовые рецепторы...

— Для женщины с такой внешностью ты слишком умная, — фыркнула Марго.

— Это не ум — это хорошая память, — возразила Ада, быстро доедая остатки. — Мой попугай тоже непрерывно нес всякую чушь, и все же мог попасть в лапы любой кошке. Кто здесь действительно умен, так это ты. Чтобы обеспечить корабль всем необходимым, нужно как минимум быть в большой дружбе с цифрами...

Помощник по снабжению чуть заметно надулась от гордости.

— Ну что ты... Просто я была дочерью капитана — пришлось помогать отцу, когда дела пошли совсем плохо...

— Кажется, ты говорил, что Марго отказалась исполнять приказ... — заметил капитан, задумчиво созерцая беседу двух юных особ.

— Отказалась, — согласился корабль. — Но примерно через полтора часа передумала...

— Значит, это прямая трансляция, — заключил капитан. — Когда будешь считать Марго премию, вычти штраф.

— Уже сделано, кэп.

— И все же нужно чем-то заняться... — вздохнула Ада, прохаживаясь по комнате.

— Может, карты? — предложила Марго.

— Можно, конечно... — без особого энтузиазма передернула плечами писательница. — Но мне бы хотелось быть уверенной, что у меня есть возможность набирать текст — на случай, если я совсем начну лезть на стенку... это так успокаивает.

— Набирать текст? — удивленно переспросила Марго.

— Ну да, — кивнула Ада. — Дневник, там, вести или другую какую-нибудь ерунду в том же роде... Ты когда-нибудь вела дневник?

— Бывало.

— А я нет. Самое время попробовать что-то новое, ты так не думаешь?

— Попробуй. Собственно говоря, тебе достаточно просто сказать или даже отчетливо подумать о чем-нибудь. Корабль это запомнит и по запросу вернет тебе информацию...

— Это, конечно, забавно, — вздохнула Ада. — Но мне бы хотелось видеть текст перед глазами — не обязательно бумажный, просто отформатированный по книжному типу...

В воздухе перед ее глазами возникли плавающие строчки:

«Это, конечно, забавно. Но мне бы хотелось видеть текст перед глазами — не обязательно бумажный, просто отформатированный по книжному типу...»

— Так пойдет? — спросил бестелесный голос.

— Оно еще и разговаривает... — с ноткой благоговения ахнула Ада, оглядываясь по сторонам.

— Во-первых, «он», — откликнулся голос. — А во-вторых, для тебя просто Двенадцатый, детка. Я просмотрел запись диалогов с К-5. Если уж вы с капитаном перешли на ты, то со мной тебе точно не за чем особо церемониться.

Нулевой слегка нахмурился у себя в кабинете.

— Ты перешла на ты с капитаном?! — в глазах Марго снова вспыхнул намек на прежнюю злость.

— Это длинная история... — вздохнула Ада. — И я с удовольствием расскажу ее тебе за

покером, но сначала мне нужно кое-что уточнить с господином Двенадцатым.

— Я слушаю, — живо отозвался бестелесный голос.

— Переход на ты — это и есть особая церемония, мистер. Видите ли, за время, проведенное в беседах с вашим капитаном, я собрала количество информации, достаточное для того, чтобы строить предположения касательно его личных качеств. Короче говоря, я считаю, что при определенных обстоятельствах он может стать отличным другом. Хотя вряд ли вы понимаете, что это значит. Уже в мое время вера в такие вещи была практически утеряна... — она потеряла переносицу. — Я не хочу вас обидеть, господин Двенадцатый. И я вовсе не хочу сказать, что вы не можете стать отличным другом. Просто на данный момент у меня не достаточно информации, чтобы судить об этом.

— Другими словами, мы сможем перейти на ты, если я буду больше болтать с вами? — уточнил Двенадцатый.

— Не совсем так, — вежливо улыбнулась писательница. — Не так важно, сколько болтать, гораздо важнее как. Кстати, где ты?

— Здесь.

— Где здесь?

— Везде здесь. Я тот, кто запоминает и выдает по запросу текст, разве это не было понятно с самого начала?

— Корабль, — скорее для себя констатировала Ада, в то время как все ее чувства кричали о том, что она имеет дело с человекоподобным существом.

— Это точно корабль, просто я никогда не слышала, чтобы он говорил в таком тоне... — подала голос Марго.

— Просто повода не было, — буркнул корабль. — Теперь у меня нет шансов, да?

— Шансов на что? — уточнила Ада.

— Перейти на ты?

— Почему нет?

— Я же корабль...

— Не вижу связи. Разве что ты понимаешь формулировку «отличный друг» как двусмысленность. Или первоначальный смысл и вовсе стерся со временем. Или просто пытаешься прикинуться ветошью.

— Ветошью?

— Ветошью, чайником, шлангом — неодушевленным предметом.

— Я не пытаюсь, просто я... корабль! — Двенадцатый запнулся, и Ада почувствовала сильное волнение, исходящее от него.

«Кажется, я вывожу команду из равновесия, капитан мне точно спасибо не скажет... Но похоже, что этот парень просто долго не общался по-человечески, хотя раньше имел такую возможность. Если аккуратно распределить общение так, чтобы сильного сенсорного голода не возникало, его чувства тоже станут спокойнее. Надо будет толкнуть эту идею капитану до того, как он попытается от меня избавиться...»

— Послушайте, «корабль», — вздохнула Ада. — Могу я задать вам личный вопрос?

— М... попробуйте... — неуверенно отозвался тот.

— Тут капитан давеча рассказывал, что при комплектации «Небесных Андроидов» им пересаживают сознание, выращенное в антропоморфных моделях, вроде той, что у капитана. С кораблями дело обстоит так же?

— Почему вы считаете этот вопрос личным? — тихо спросил Двенадцатый.

— Если бы речь зашла о пересадке моего сознания, я бы посчитала этот вопрос личным, — отозвалась писательница. — Так могу я получить ответ?

— Видите ли, мэм... — медленно отозвался Двенадцатый. — Для управления крупным межпланетным кораблем и его шаттлами не нужна ни мелкая, ни крупная моторика, зато желательно наличие достаточно сложных комплексов психических реакций, поэтому сознание кораблям пересаживают уже после полного формирования личности. Тут, правда, есть небольшая проблема: связь между телом-донором и психикой к этому времени уже полностью формируется, так что совершенно разделить их невозможно. Другими словами, пока я управляю кораблем, мое тело находится в гибернации. Иногда меня даже выпускают погулять. Редко, правда...

И была в этом всем какая-то глухая безотчетная тоска — ощущение дискомфорта, который пытаешься скрыть даже от себя самого...

Ада невольно прижала кончики пальцев к бровям и тяжело опустилась на краешек кровати.

— Ох, Двенадцатый... — почти простонала она. — Должно быть, это непростая работа...

— Что случилось, мэм? — Писательница почти кожей чувствовала его досаду. — Вам меня жаль? Право же, зря... Конечно, моя работа требует определенной квалификации, но и тех, кто может ее выполнять, гораздо меньше, чем кораблей, которые в них нуждаются. Так что, по сравнению с другими киборгами, у меня достаточно привилегированное положение, и я могу позволить себе многие выходы...

«Но не можешь сидеть в уютном кресле и попивать кофе...» — тихо подумала Ада.

— Я действительно восхищаюсь вами... — совершенно искренне выдохнула она. — У вас очень сильная личность... у вас и у капитана тоже... — «Пройти через все это и сохранить волю к жизни...» — одновременно думала она. — На самом деле я почти завидую...

В тот же самый миг у нее возникло странное чувство, словно поток ветра подхватил ее и поднял к потолку. И уже через секунду она собственными глазами видела каюту и слышала ее собственными ушами, и, в то же самое время она видела слышала и чувствовала весь корабль и всех, кто в нем находится. Вот Марго в ужасе взирает на ее спину широко открытыми глазами. Вот Серж дрыхнет в своей каюте, прикрыв лицо старым порножурналом. Вот капитан вскочил с кресла в своем кабинете. Вот еще одиннадцать парней с беспокойством следят за происходящим... Но зрительные образы оставшихся членов «черной команды» были какими-то нечеткими. Кажется, восприятие происходящего кораблем несколько отличалось. И информация обретала четкую форму лишь в том случае, когда в ее собственном сознании находились зрительные и сенсорные аналогии.

И вместе с этим у нее было ощущение, будто ее осыпают ласками. Это было похоже одновременно и на поглаживание, и на обнюхиванье, и на легкий ветерок, и на прикосновение крыльев бабочки, и на щекотку, но в действительности ни на что не было похоже. Просто Ада нутром чуяла, что должна подбирать аналогии, доступные ее обычному сознанию, или потеряет связь с телом.

И все же в этих ласках было что-то знакомое. Похожее чувство возникало, когда Джейк в былые дни касался ее кончиком носа. Он почему-то все время тянулся к ней носом, особенно незадолго до несчастного случая. В этом робком жесте всегда было столько нежности, боли и страха... Однако на этот раз это не был Джейк, это был корабль.

— Послушай, Двенадцатый! — голос капитана доносился до нее словно сквозь массивную водную толщу. — Я все понимаю: у тебя пубертатный возраст, тебе тяжело, но это уже слишком — отпусти ее немедленно! Это приказ!

— В чем дело, капитан? — в ответе корабля чувствовалась злая насмешка, смешанная с отчаянием. — Вы все равно хотите заставить ее синхронизироваться с СУ Так пусть сначала сделает со мной — опыт сократит риски!

Фраза «сделает *это*» была произнесена с такой интонацией, словно Двенадцатый видит в синхронизации разновидность любовной игры. В то же время отчаяние мальчишки, загнанного в ситуацию, когда даже собственное тело чувствуешь с трудом, полоснуло Аду словно ножом. Он определенно уже был готов вцепиться в каждого, кто протянет к нему руку. Она сосредоточилась и постаралась смоделировать прикосновение, которыми тот так лихорадочно одаривал ее сознание.

Попытка получилась удачной. Двенадцатый перестал суетиться и даже как-то весь подобрался, прислушиваясь к своим ощущениям, и затем снова коснулся писательницы, уже куда более осознанно и нерешительно. Ада снова ответила. Следующее прикосновение корабля было глубоким и долгим, словно бы он попытался ее обнять и замер в таком положении.

— Вот так, тихо, малыш, не беснуйся, — выдохнула Ада.

— Еще... — томно попросил корабль.

— Госпожа Пеночкина... — с нескрываемым раздражением позвал Нулевой.

Чувствуя, что парнишка снова взбесится, если не получит желаемого, Ада снова коснулась его.

— А теперь прояви немного мужества и подожди, — мягко, но решительно сказала она. — Мне нужно поговорить с капитаном.

— Я не пытаюсь с вами спорить, капитан, — с некоторым усилием произнесла Ада. — Я прошу разрешение на внесение предложения...

— Она все еще разговаривает... — сказал кто-то из «черной команды».

Капитан с раздражением сложил на груди руки.

— Ну, валяй, предлагай...

— Позвольте обнять мальчишку, сэр. Вы, конечно, можете сказать, что я, мол, разлагаю неокрепшую детскую психику своей бабской жалостью. Но команда у вас, судя по всему, опытная, привыкшая уже на износ работать, и прецедент бы не возник, если бы ситуация не вошла в штопор. Может, нужно-то всего чуток обороты сбавить, чтобы парень снова стал шелковым... — Мир перед глазами писательницы поплыл, теряя былую ясность очертаний. — Ой, кажется, я невнятно изъясняю... — пробормотала она, безуспешно пытаясь предугадать реакцию в напряженном молчании киборгов.

— Для формы разума, пребывающей в таком... подвешенном... состоянии, вы объясняетесь даже слишком внятно и чересчур многословно, — хмыкнул капитан. — А что имелось в виду под словом «обнять»?

— Не имею словарного запаса, чтобы пояснить, — Ада решила прислушаться и быть краткой. — Думаю, вам это должно быть лучше моего известно...

— Ну... предположим, я понимаю... — вздохнул капитан. — Но мы здесь такие вопросы решаем медикаментозно.

— Оно, конечно, тоже способ, — не сдалась писательница. — Но моя матушка всегда говорила, что без доброго слова технику как следует не починишь. Знаете, как профессионально она холодильники заговаривала, те иной раз и вовсе без ремонта включались...

— То есть у тебя это наследственное, а я почему-то случайную мутацию заподозрил...

— На медикаментах тоже, знаете, не грех сэкономить... — ввернула Ада.

— Ну да, — саркастически откликнулся капитан. — Только медикаментов у нас много, а ты одна. Ладно, даю полторы минуты. Если за это время наш шкодник тебя не отпустит — я поступлю по инструкции. Ты понял, Двенадцатый?

Двенадцатый понял все так хорошо, что попытался выпустить Аду еще до того, как та успела реализовать свой план. Сложно сказать, испугался ли он капитана или его впечатлило, как писательница, практически теряя сознание, все равно продолжала просить за него. Скорее всего, тут сыграли оба фактора.

В то же время Ада была не из тех, кто, уверовав в необходимость каких-либо действий, легко сворачивает с намеченного курса. Так что она каким-то образом таки успела вернуть то долгое прикосновение, прежде чем пришла обыденное состояние.

Вестибулярный аппарат практически сразу сообщил ей, что совершенно не согласен так жить. И она инстинктивно метнулась к санузелу, лишь над раковиной поняв, как сильно ускорились ее движения. А потом ее просто рвало, и довольно-таки долго.

Наконец она отдышалась, умылась и прополоскала рот.

— Прости... меня... — робко обратился к ней Двенадцатый.

— Забудь, — вздохнула писательница. — Еще две минуты и стакан воды, и я буду в порядке...

— Тебе не нужно щадить мои чувства... — натянуто откликнулся корабль.

— А по мне, так я безжалостна к твоим чувствам, — передернула плечами Ада, принимая у встрепанной Марго стакан воды. — В сущности, гораздо проще получить от кого-то нагоняй и почувствовать себя несчастным, чем иметь дело с собственной совестью. — Она сделала большой глоток. — Но так как ты все еще подросток, я пожалуй, все-таки снизойду до того, чтобы тебя отругать...

— Я слушаю, мээм...

— Ты мелкий свинтус, Двенадцатый. И мы оба знаем, что дело вовсе не в букете специфических ощущений, мною полученном. Дело в том, что на данный момент только мы с Джейком сможем вывести на орбиту ваш летающий гробик. И если со мной что-то случится, здесь подохнем не только мы с тобой — подохнет еще двенадцать хороших парней, многим из которых ты, как ни крути, обязан. Подохнут двое людей, которые не виноваты ни в чем, кроме того, что родились людьми. Более того, где-то там, по ту сторону темной пустоты, называемой в мое время космосом, без средств к существованию останутся две милые маленькие девочки, которые живут сейчас на то, что получают, сдавая тебя в аренду, и даже понятия об этом не имеют, считая тебя своим братом. Вряд ли тебе понравится, если они узнают правду таким образом — ты ведь так о них беспокоишься...

Кажется, кто-то даже успел покопаться в моих воспоминаниях...

— Тысяча лет практики, и Марго тоже так сможет... — хмыкнула Ада. — Но вот что я скажу тебе, парень. На самом деле ты ни кому не хотел зла — ты просто сглупил. А это значит, что ты все-таки не законченная свинья. В то же время обстоятельства довольно сильно давят на тебя, и это давление, к несчастью, толкает хорошего парня в свинскую сторону. Конечно, ты довольно стойко держишься, но все же... все же... Так вот. Я думаю, что небольшие страдания с моей стороны — это незначительная плата за возможность стать фактором, тянущим тебя в противоположную сторону к... хм... думаю, «гуманизм» в данном случае может быть воспринято как ругательство... к лояльности и способности сострадать...

— Превосходная речь, мээм, — по интонации было заметно, что Двенадцатый усмехается.

— Спасибо, я старалась. Сыграешь с нами в покер? Или капитан придумал для тебя что-то вроде гауптвахты?

— Капитан простил меня по случаю праздника. Кажется, мы перешли на ты?

— Знаешь, этот опыт... синхронизация, как вы ее называете... думаю, теперь я при всем желании не смогу относиться к тебе как к малознакомому субъекту. А что празднует капитан?

— Статус команды повысили... — И корабль, не удержавшись, в красках пересказал разговор капитана с начальством. — Одно неверное слово, и мы все кончили бы очень плохо, — заключил он. — Но хуже всех капитан...

— Не удивительно, что у тебя шалют нервы, — кивнула писательница. — Так что ты думаешь о покере?

— Я не люблю карты, — откликнулся корабль.

— Я тоже, — вздохнула Ада.

— Это разные вещи, — возразил тот. — Я просто не люблю карты, а ты еще и играешь паршиво. Думаю, нам стоит играть одной командой, иначе Марго точно сделает тебя, даже не успев разогреться...

— Что думаешь, Марго?

— Ладно, играйте вдвоем, но если я начну проигрывать слишком быстро — вам придется разделиться! Поверить не могу, что ты уже оправилась. Кажется, ты и впрямь киборг.

— Конечно, киборг, — фыркнула писательница. — Люди не живут по тысячу лет — тем более на дне моря...

— Послушай, утопленница... — неуверенно начал корабль, когда все уселись на кровать и Марго начала тасовать карты.

— Слушаю, Широ...

Тот слегка смутился.

— Ты даже имя узнала... — пробормотал он.

— Ну... мой ум устроен так, что имя я узнала в первую очередь, — повела плечами писательница. — Но это ведь ты предложил общаться неформально — теперь поздно отступать...

— Я не против... — неуверенно пробормотал корабль. — Просто никто, кроме капитана, раньше не знал, что у меня есть хозяйка...

— Лучше говорить госпожа, — улыбнулась писательница. — Это слово куда больше подходит для того благородного рода привязанности, что ты испытываешь. Такие чувства глупо не уважать...

— Вы слишком хорошо находите удачные слова, — с ноткой осуждения в голосе заметил Двенадцатый.

— Что ж, — вздохнула Ада. — У каждого свои профессиональные качества. Кто-то умеет хорошо выражать свои чувства, а кто-то умеет их хорошо скрывать... однако умение играть словами полезно и тем и другим. Я понимаю, почему ты беспокоишься...

— Пеночкина, ты дьявол, — буркнул корабль.

— Немного, — улыбнулась та. — Как и любая женщина. Так о чем ты хотел сказать?

— Капитан просил передать тебе кое-что... — в голосе чувствовалось смущение.

— Слово капитана закон на корабле... — почти пропела Ада, с интересом рассматривая полученные карты (насколько она могла судить, картинки изображали космические корабли различных классов). — Видимо, что-то не слишком приятное, раз ты так мнешься...

— Ну... на самом деле да. Капитан говорит, что тут, кроме корабля, еще двенадцать парней, близких к состоянию штопора. И хочет знать: со всеми ли ты собираешься обниматься или любимчиков себе заведешь. Говорит, ему необходимо знать заранее, чтобы иметь возможность...

— Поддерживать порядок, — закончила за него писательница. — Передай капитану, что если в вашей команде есть профессиональный психолог, я готова в сотрудничестве с ним составить план общения с командой. Тринадцать человек — это все-таки довольно много, так что вряд ли нам удастся исключить применение медикаментов полностью. Однако, если все хорошо просчитать, уверена, можно значительно сократить дозу...

— Тебе не кажется, что мужчина не должен говорить подобные вещи женщине, тем более в таком тоне? — поджала губы Марго.

— Мне кажется, что женщина-киборг — это не киборг и не женщина, — натянуто улыбнулась Ада.

— Она самокритична, — заметил Второй, возникая за плечом капитана.

— Она пытается быть объективной, — вздохнул Нулевой.

— Либо мне изменяет слух, капитан... — медленно протянул старпом, — либо ты говоришь о женщине без обычного раздражения...

— Я пытаюсь за ней присматривать, — мрачно буркнул тот.

— Мне ты можешь голову не морочить, кэп, — фыркнул Второй. — Я знал тебя еще до того, как ты присвоил эту несчастную книжонку. И я прекрасно вижу, ты на нее смотришь...

— Ну, предположим, — хмыкнул в ответ капитан. — А как на нее смотришь ты?

— Примерно так же: как мужчина. И мы оба знаем, что... — старпом расплылся в ехидной улыбке. — Мужчина-киборг — это не киборг, и не мужчина...

— Это горстка пепла, — закончил за него Нулевой. — Что ты предлагаешь?

— Отдохнем вместе, капитан? Обещаю, нам обоим будет так хорошо, как только возможно в данных обстоятельствах...

Проснувшись утром, Ада долго не могла понять, что ее разбудило. Она определенно все еще не выспалась, но в совершенной тишине бесцветной комнаты не было ни движения, ни звуков. Писательница еще какое-то время созерцала белый потолок, прежде чем поняла, что свет включен, и она не знает, как его выключить. Может, спросить у Двенадцатого? Но так не хочется ничего делать...

Еще через минуту дверь открылась, и в каюту впорхнула Марго с завтраком.

— Ну ты и соня! — провозгласила она. — Капитан велел не будить тебя раньше семи тридцати, я едва дотерпела!

— Семь тридцать... — почти простонала Ада, закрывая руками лицо. — Тысячу десять лет не вставала раньше двенадцати. Проще бы было не ложиться вовсе...

— А по-моему, капитан тебя балует! — надула губки Марго.

— В этом я с тобой, пожалуй, соглашусь... — вздохнула Ада. — Хотя, может, он просто надеется, что во сне я не смогу ничего натворить... А у тебя мертвый сезон, как я погляжу?

— Как сезон может умереть? — подняла брови Марго.

— Это устойчивое выражение, — потирая переносицу, писательница села. — Означает период, когда человек вынужден оставаться на рабочем месте, не имея реальных дел. Как служащий отеля, где временно нет гостей, или диспетчер на телефоне, куда временно перестали звонить...

— Я поняла, — кивнула помощник по снабжению. — Сезон мертвее некуда. А регламент приходится соблюдать — мало ли что... И даже поговорить было не с кем, пока тебя не откачали.

— Что, мальчики блюдут дистанцию? — усмехнулась Ада, решив сначала поесть, а потом уже одеваться. Ей показалось, что еда требует меньше движения.

Марго окинула ее задумчивым взглядом.

— Ты всегда спишь раздетая?

— Еще с детства, — откликнулась Ада, лениво втягивая безвкусную кашеобразную массу. — А ты?

— Я жила в одной комнате с отцом — так что приходилось носить пижаму. А потом я сразу перешла на кружевное белье...

Капитан вошел в каюту по обыкновению бесшумно, поэтому неудивительно, что собеседницы его не заметили. Не то чтобы он собирался скрываться, но зрелище обнаженной спины этой женщины на какое-то время совершенно его заворожило...

— Какая гадость, — зевнула Ада. — Ну пижама еще ладно. Но спать в белье... оно же

жесткое!

— Чтоб быть красивой, нужно страдать, — мрачно сообщила Марго.

— Чтобы быть красивой, нужно чувствовать себя красивой, — откликнулась писательница. — Другое дело, что некоторым для этого нужно страдать...

— Не умничай!

— Ладно, молчу.

— И вообще! Ты хорошо прикидываешься недотрогой, но меня ты не проведешь. Признай уже, что наш капитан симпатичный парень!

— Вот уж нет! — хмыкнула Ада.

«Как и следовало ожидать...» — с горечью подумал капитан, продолжая разглядывать ее спину с особым тоскливым наслаждением.

— Так уж и нет? — подозрительно прищурилась Марго.

— Совершенно точно, нет, — подтвердила свое мнение ее собеседница. — Видишь ли, слово «симпатичный» в моем понимании носит некий оттенок уюта. Симпатичным может быть старое кресло, любимый плед, лохматая собака, играющая в саду, дети, резвящиеся на солнце, мужчина, читающий в кровати... а наш капитан, он скорее эстетичный.

— Как это? — Марго уселась на пол, оперев локти о край кровати и не сводя с писательницы заинтересованного взгляда.

— Как парадный зал, убранный для приема, — такая официальная форма красоты, понимаешь? То, что называется лицо компании, — она не глядя поставила тарелку на стол.

Марго кивнула.

— Вообще говоря, при других обстоятельствах тот же самый зал может быть вполне себе уютным и пригодным для жизни. Допускаю так же, что с тобой капитан ведет себя по-другому. Что же до меня, то я испытываю некоторую неловкость из-за его чопорности...

— Никогда бы не догадался, учитывая легкость, с которой мы болтали вчера...

Пискнув, Ада плюхнулась на спину, и, испытывая какое-то непреодолимое, переходящее в первобытный ужас смущение, натянула одеяло до самых глаз.

— Поздно смущаться, — с непроницаемым видом хмыкнул Нулевой, испытывая сладкое похожее на щекотку чувство от блеска ее широко распахнутых глаз. — Я видел тебя целиком еще на стадии стабилизации жизненных процессов...

— Я предполагала такую возможность, — через силу проблеяла Ада. — Моя реакция — это просто рефлекс. И давно вы там стоите?

— Примерно с того момента, когда Марго перешла на кружевное нижнее белье...

— Капитан, вы подслушивали! — набравшись духу, пискнула Марго. Обычно она ужасно робела перед ним. Но присутствие еще одной женщины предавало смелости. — И подсматривали! А значит, с вас штраф: вы должны сказать, считаете ли Аду симпатичной!

— Я не уполномочен высказываться по данному вопросу, — сухо откликнулся капитан. — Оденься, Леночкина. У меня есть для тебя испытание...

— Тогда, сэр, не могли бы вы выйти за дверь на пару минут. Мои рефлексы затрудняют... мне бы не хотелось переодеваться в присутствии мужчины без необходимости...

Капитан испытал сильно желание съехидничать. Однако он давно привык не считаться со своими желаниями. Так что просто кивнул и покинул комнату.

— Очень чопорный, — вздохнула Марго. — Но первая фраза была почти дружелюбной. Собственно, никогда не слышала от него ничего столь неформального... — она вздохнула. — Наверное, ты ему действительно нравишься...

— Разве вы с ним не пара? — приподняла бровь Ада, застегивая свой военизированный комбинезон.

— Я не знаю, — со вздохом призналась Марго. — Честно говоря, я запуталась.

Еще через полминуты Ада была полностью готова. Придирчиво осмотрев себя в зеркало, она решила, что волосы, спадающие на плечи шелковыми волнами, придают ее внешности ненужную мягкость.

— Ладно. Поживем — увидим, — насупилась она. — Марго, у тебя шпильки есть? Или заколки?

С возгласом «Та-дам!» Марго извлекла из прикроватного столика свою весьма объемную косметичку.

— Еще вчера ее тут спрятала! — гордо сообщила она. — Знала, что рано или поздно тебе это понадобится!

Уложив волосы в абсолютно гладкий пучок, писательница пришла к заключению, что ее губы слишком яркие, а щеки слишком быстро меняют цвет. Порывшись в косметичке еще немного, она выудила достаточно блеклые тональный крем и помаду, которые марго использовала в качестве основы, и протянула их ей.

— Я не сильна в макияже. Не могла бы ты помочь мне сделать лицо как можно более бесцветным? Причем сделать это быстро...

— С этой прической ты уже похожа на замухрышку, — скривилась Марго.

— Я не хочу быть замухрышкой, Марго. Я хочу быть голосом без лица. Так ты мне поможешь?

— Я попробую, но что ты задумала?

— Ты слышала, как капитан говорил о двенадцати входящих в штопор парнях? Я просто не хочу создавать проблемы, спровоцировав кого-нибудь. Все и так достаточно сложно.

Марго кивнула и принялась за дело. И она еще не успела закончить, когда в каюте снова возник капитан.

— Кажется, я просил одеться, а не подготовиться к выходу в открытый космос, — с ноткой раздражения сказал он.

— Мы уже закончили! — в ужасе пискнула Марго, роняя косметичку — новость о том, что капитан вообще способен выражать эмоции, застала ее врасплох.

— Простите, кэп, — спокойно повернулась к нему Ада. — Я должна была сначала узнать ваше мнение, но когда у женщины включается интуиция, она сначала действует, а потом думает.

— Я вижу... — на какое-то мгновение капитану захотелось взять мокрую губку и вернуть ее лицу прежние живые оттенки. — Парни будут разочарованы... — но он знал, что это было правильное решение, он почти гордился ей... он даже решил было, что может себе позволить потрепать ее по щеке... но передумал.

С большим трудом, но писательница все же уловила некую досаду в его мрачной решимости. Конечно, дело могло быть в, мягко выражаясь, неудачном предыдущем вечере, но она все же решила уточнить:

— А вы что думаете, капитан?

— Приятно быть правильно понятым, — ободряюще улыбнулся тот. — Идем.

Ада немного расслабилась и заметила наконец, что сегодня капитан одет в черный блестящий комбинезон, больше напоминавший скафандр, — такого покроя ей еще видеть не доводилось.

— Сменили стиль, сэр? — с невинным видом поинтересовалась она.

— Это униформа «черного состава», — через плечо бросил тот, направляясь к выходу. —

У тебя тоже такая будет, если сможешь пройти тесты в штабе и сдать экзамен...

— Поняла, сэр, — кивнула Ада, едва поспевая следом.

Они вышли из каюты и, не сбавляя темпа, направились по коридору вглубь корабля.

— Теперь слушай, стажер, — на ходу говорил капитан. — Имена «черного состава» соответствуют их номеру в должностном списке. Таким образом, Нулевой — это всегда капитан. А последний — это почти всегда корабль.

— Почти?

— Иногда команды добирают, после комплектации. Номера новых членов идут сразу за номером корабля. Единственное исключение — число Тринадцать никогда не используют. Уставом это не запрещено, но есть традиция...

— Живучая традиция, — усмехнулась писательница. — В мое время при нумерации этажей в домах — тринадцатый зачастую пропускали...

— И ты, конечно, знаешь, откуда это пошло... — хмыкнул капитан.

— Конечно, знаю, — улыбнулась Ада. — Но это очень длинная история, насчитывающая несколько тысяч лет. Так что вряд ли сейчас самое время ее рассказывать.

— Мда... если станешь членом команды, мы определенно заработаем кучу денег на торговле твоими «историями».

— Вы деловой парень, сэр.

— На том и стоим... — вздохнул капитан. — Продолжаем инструктаж. Наша команда на данный момент имеет тринадцать членов «черного состава» и корабль в списке последний. Тот, с кем тебе нужно в первую очередь считаться, — это мой старший помощник. Согласно уставу, все пилоты находятся в его прямом подчинении. На нашем корабле до сих пор не было специализированных пилотов. Эту функцию берут на себя свободные на момент вылета члены команды — ты будешь первой, если будешь...

— Можно вопрос, сэр?

— Задавай.

— Старпом — это Второй?

— Умеешь слушать. Да, это Второй...

— Тогда чем занимается Первый? Ведь, если я правильно поняла, в нумерации есть определенная иерархия...

— Не совсем иерархия, но определенная логика есть. Первый — на каждом корабле это единственный киборг, кому позволено в случае необходимости убить человека или капитана...

— И кто определяет эту необходимость?

— Трибунал.

— Понятно. Опасная должность — не завидую парню, который ее занимает.

— Не знаю, как на других кораблях, но наш, пожалуй, с тобой согласится. Он вообще страшно меланхоличный и неуравновешенный тип, так что не лезь с ним в бутылку...

— Постараюсь.

— Хорошо. Продолжаем. Третий и Четвертый — это инженеры — специалисты по кибернетике. Пятый — врач. Шестой — инженер и биолог одновременно — специалист по синкретическим организмам. Седьмой — психолог. Восьмой, Девятый, Десятый — генетики биоинженеры. Одиннадцатый — специалист по ИИ и синкретическим формам разума.

Двенадцатого ты и сама хорошо знаешь...

— Чертова туча народа, — присвистнула Ада. — Где вы их прячете? И, главное, зачем?

— Из экономических соображений. Если я их выпущу в ходе пребывания на планете, по возвращении всем парням придется проходить обследование, а это денег стоит...

— То есть вы их даже погулять не выпускаете?

— Выпускаю. После тщательной закупорки шлюзов, полной дезинфекции помещений и некоторого комплекса других предосторожностей. Посещение «черного отсека» тоже требует прохождения полного комплекса процедур отчистки.

— Это понятно, сэр. У меня еще вопрос. В «черном составе» нашей команды, кажется, нет женщин...

— Нету.

— А в других «черных составах»?

— Нет. Женщин-киборгов вообще не очень много. Из-за значительной эмоциональной нестабильности область их применения довольно мала и почти полностью ограничена сферой услуг. По большей части это профессиональные куртизанки, так как более благородными занятиями, как то пение или танцы, люди предпочитают заниматься сами...

— А что, бывают непрофессиональные куртизанки? — чувствуя неловкость, попыталась пошутить Ада.

— По сути, обладая достаточной суммой денег, любого киборга можно снять на ночь-другую. Конечно, чем лучше наши навыки в основной профессии, тем больше наша стоимость, тем меньше вероятность, что кто-то сможет наскрести достаточно денег. С другой стороны, всегда найдется какой-нибудь маньяк, готовый потратить любую сумму, лишь бы поймать крутого десантника... Лично у меня это было двадцать раз. Причем первые пятнадцать еще в самом начале карьеры. Да... и есть еще постоянные клиенты, связь с которыми нужно поддерживать, если хочешь чего-то достичь в этой жизни. Лично я сплю с начальником штаба, и она не самая неприятная женщина в мире...

— Притормозите, сэр, — прошептала Ада. — Мне нужно это переварить...

Капитан остановился и с легкой усмешкой взглянул ей в лицо.

— В чем дело? Передумала вступать в «черный состав»?

— Напротив... — нервно хмыкнула писательница. — В текущих обстоятельствах мне кажется, что быть человеком почти неприлично... — Под наплывом противоречивых чувств, она не знала, куда девать взгляд. — Я клянусь, что стану сильнее, сэр. Но сейчас... можно я... можно мне... нарушить субординацию?

И, не дожидаясь ответа, она упала на колени и, ткнувшись лбом капитану в плечо, с силой прижала его к себе...

— Ты можешь стать сильнее, — замерев, тихо откликнулся капитан. — Но я уже на пределе, поэтому встань, пожалуйста: нам еще работать сегодня...

— Да, капитан, — Ада резко вскочила и вытянулась по струнке. Это судорожное действие помогло взять себя в руки.

Капитан же с приятной улыбкой повел рукой в сторону шлюзовой двери.

— Добро пожаловать в гнездовище нелюдей, мадам, — сказал он.

— Кстати, что там с моим домашним арестом?

— Нет сейчас, у нас времени на такие глупости... — фыркнул капитан. — Вот выйдем в открытый космос, и отправлю тебя в гибернацию — заодно отдохнешь. Да, и еще кое-что, — он провел ладонью по своему плечу, и там высветилась строчка из пяти неизвестных Аде

символов. — Это мой личный номер — одновременно и имя, и должность, и звание. Однако без посторонних мы этим не пользуемся, — капитан снова провел ладонью по строчке и та исчезла. — Каждый и так знает, кто есть кто...

Пройдя «полный комплекс необходимых процедур» и миновав несколько промежуточных блоков, они оказались в огромном помещении, занимавшем если не половину, то уж точно добрую треть корабля. Но главное было не это — прямо посреди стоял огромный человекоподобный робот. Аде доводилось видеть таких в фантастических фильмах, но куда чаще в фантастических мультиках.

— Ничего себе! Это ж трансформер! — выдохнула она.

Вообще говоря, Ада прекрасно понимала, что для трансформера у этой машины были слишком обтекаемые формы. Она просто не смогла припомнить слова получше.

— Уже видела нечто подобное, стажер? — удивился капитан.

— Только на картинках, сэр. В мое время это была фантастика. Надо полагать туда вы и посадили Джейка. Могу я...

— Еще нет. Сначала я хочу, чтобы ты выстроила доверительные отношения с командой. Работа опасная, и, чтобы выжить, тебе потребуется поддержка каждого.

— Звучит слишком пафосно, — вздохнула Ада. — Но вашу мысль я поняла.

— Что-то не так, стажер?

— Не люблю большие компании, сэр. Я-то надеялась, что буду тихо делать свою работу, забившись в какой-нибудь дальний угол. Но это не важно — отступить мне все равно некуда...

— Тогда приступим, — хмыкнул капитан и, повернувшись к андроиду, добавил: — Парни, объявляю общий сбор!

— Парни говорят, что работы много, — сообщил Двенадцатый.

— Попросят перенести сбор на полчаса...

— Я им покажу полчаса, — буркнул капитан и прокричал: — Ну, если никто действительно не хочет посмотреть на живую женщину...

— Парни просят так не шутить, — заметил Двенадцатый. — Они сейчас будут.

Ада увидела какое-то шевеление на поверхности андроида. Присмотревшись, она заметила, что машину опутывает система конструкций, казавшихся хрупкой кристаллической паутиной по сравнению с его размерами. Именно по этой «паутине» спускалось несколько темных фигурок, еще несколько появилось из дверей с разных сторон помещения. И меньше чем через пять минут весь «черный состав» был в сборе.

Походка и мимика этих ребят сильно отличались, однако все они были совершенными копиями капитана.

— Мадам, позвольте представить мою команду, — улыбнулся Нулевой. — Ребята, это та самая дама, которую мы с вами выудили со дна моря...

— А там не было кого-нибудь более подходящего по размеру? — хитро усмехнулся один из парней.

— Нет, Шестой, не было, — складывая руки на груди, откликнулся капитан.

— Может, мы просто просчитались с наживкой? — не унимался Шестой.

— В следующий раз кинем в море тебя и посмотрим, что выплывет, — подал голос еще кто-то.

— Лучше не стоит, Девятый, — покачал головой капитан. — А то он своими шутками остатки фауны распугает...

В то же самое время один из парней вышел вперед и пристально уставился в лицо Ады.

— Любопытный макияж, — писательница сразу же узнала голос Второго. — Твоя идея, кэп?

— Нет, — качнул головой тот. — Идея принадлежит носителю.

— Хорошо, носитель, — поджал губы Второй. — Кэп у нас, конечно, главный. Но это место наш дом, и, прежде чем мы позволим тебе здесь разгуливать, ты должна доказать, что хоть немного стоишь нашей команды.

— Чего вы хотите, Второй? — улыбнулась Ада.

Старпом замер.

— Как ты узнала? — медленно проговорил он.

— Тембр голоса и ритм речи. Они звучат мелодично, как у чтеца старинных баллад. Мне кажется, ты пытаешься это скрыть, сознательно делая свои фразы более резкими и прерывистыми. Но при более или менее длинных высказываниях это приводит лишь к тому, что структура мелодики меняет стиль...

— Считаешь себя умной? — раздраженно хмыкнул старпом, который терпеть не мог свой голос в основном благодаря тем обстоятельствам, что способствовали его формированию.

— Скорее наоборот, — вздохнула Ада, которая, в общем-то, предполагала, что собеседник обидится. Но ей так хотелось играть в открытую... — И чем дальше, тем глупее...

— Ладно. Значит, так... — скривился Второй. — Мы — парни — перемешиваемся и молчим, если сможешь сказать, кто капитан — считай: победила. Как тебе условия?

— Слишком просто, — усмехнулась Ада. — Давайте я лучше попробую назвать столько, сколько смогу.

— То есть, по-твоему, капитан так резко от нас отличается? — приподнял бровь Второй.

— Вы все резко друг от друга отличаетесь, — хмыкнула Ада. — Просто за капитаном я уже успела заметить кое-какие особенности, а вас вижу впервые... Поэтому предложение Второго кажется таким удачным — это поможет быстрее запомнить кто есть кто...

— Хорошо, парни, — хлопнул в ладоши капитан. — Делаем, раз решили, — свободного времени почти нет.

«Черный состав» сначала сбился в кучу и сразу вслед за тем выстроился в линию.

Ада присвистнула.

— Знаете, ребята, — усмехнулась писательница. — Вместе вы выглядите более впечатляюще, чем громадина за вашей спиной.

— Сто пятнадцатая команда единственная полностью состоит из киборгов одной серии... — подал голос Двенадцатый. — Наиболее заметными чертами серии является маленький рост и бледная кожа, из-за чего нас часто называют белыми карликами...

— И тебя тоже, Двенадцатый? — приподняла бровь Ада.

Вместо ответа ее окутало нежное щекочущее чувство — Двенадцатый пытался заигрывать. Почти сразу после этого корабль вскрикнул и чувство исчезло.

— Прошу прощения, — смущенно пробормотал он. — Капитан просит госпожу Пеночкину поторопиться. И... да, я тоже из ХТ серии...

«ХТ... — размышляла Ада, прохаживаясь вдоль ряда неподвижно стоявших киборгов. — Неужели это инициалы того самого японского мультяшки, о котором я подумала, когда впервые увидела Глизе?»

— Ну ладно, ребята, — собралась она с духом и остановилась. — Капитана со старпомом оставим напоследок. Так что... вот тот парень с ехидной физиономией, наверное, Шестой, — и, чтобы не было никаких сомнений в том, кого она имеет в виду, Ада коснулась кончиками пальцев лохматой макушки.

Шестой тряхнул головой, сбрасывая ее руку.

— Приятно знать, что твои многолетние попытки выделиться наконец-то принесли плоды, — ворчливо пробормотал он, покидая строй. — Только не думай, что меня так легко подкупить...

Однако Аде не нужно было сильно прислушиваться, чтобы почувствовать, что он страшно доволен.

— А вот этот... мужчина, — назвать такого солидного персонажа «парнем» у писательницы просто язык не повернулся, — очень похож на врача. Представители этой профессии обязаны не просто быть компетентными, но и выглядеть таковыми, тогда пациентом будет проще доверять им свое здоровье... — Она слегка поклонилась киборгу и наморщила лоб: — Кажется, док у нас был Пятым.

Док ответил таким же полупоклоном.

— Действительно Пятым, — вежливо улыбнулся он. — Вы меня почти заинтересовали... почти...

И он принялся обдумывать свою последнюю работу, чтобы отвлечься от этой ситуации и не поддаться общему оживлению.

— Что ж... — Ада покачалась на каблуках и выбрала следующую жертву. — Этот субъект с располагающей улыбкой, должно быть, психолог. Каждый раз, когда я вижу такую улыбку, меня бросает в дрожь, как кролика при виде удава, — чувствую, что выболтаю все на свете, если ее обладатель ко мне обратится, в то время как лучше бы промолчать... — склонив набок голову, она посмотрела парню прямо в глаза.

— Психолог вроде бы — Седьмой.

— Седьмой, мадам, — с самообличающим видом признал психолог, делая шаг вперед. — Вам не нравится моя профессия?

Ада открыла было рот для подробного ответа, но все же смогла остановиться.

— Ваша профессия, — медленно произнесла она, — может послужить поводом для долгой дискуссии. Надеюсь, нам еще представится случай поговорить об этом...

— Буду ждать, мадам... — лукаво сощурился Седьмой и присоединился к группе распознанных личностей.

— Так, посмотрим... — Ада в очередной раз прошла мимо старпома с капитаном, направляясь в противоположный конец ряда.

— Мрачный нервный тип, рядом с которым не стоит лезть в бутылку... Вы Первый, сэр?

— Да, я Первый, мэм, — хмыкнул тот, покидая строй. — Спасибо за отличную рекомендацию, капитан...

— Не обижайтесь, сэр, — попыталась взбодрить его писательница. — Мне нравятся мрачные парни.

Первый, направившийся было к остальным, остановился.

— И что же, ваш муж тоже был мрачным? — безучастным голосом осведомился он.

— Мой муж... — тяжело выдохнула Ада, ведь это был жестокий удар. — Мой муж не был мрачным. Но я и не говорила, что мне нравятся *только* мрачные парни...

— Знаете, мэм, — хмыкнул Первый. — У меня в каюте припрятан настоящий черный кофе, и лично с вами я готов поделиться...

— Я учту, — кисло отозвалась писательница. — Есть здесь кто-нибудь, кто не слушал записи разговоров с «Косатки»?

— Таких нет, мэм, — откликнулся Первый. — Это хит сезона. Особенно мне пассаж про закат понравился — очень романтично...

Это мог быть сарказм, а мог и не быть. Однако это не напоминало безучастный голос капитана. Скорее было похоже на то, что кто-то не потрудился придать интонацию своему голосу...

Ада вздохнула и снова окинула оставшихся ребят взглядом, понимая, что с каждым распознанным ее задача только усложняется...

Тут она заметила парня с ну очень снисходительным выражением на лице...

— Это ведь вы предлагали бросить Шестого в море?

— Вы запомнили... — смущенно улыбнулся собеседник. — Вообще-то я не кровожадный, правда... да, это я предлагал.

— Значит, Девятый?

— Да, я Девятый, и во мне нет абсолютно ничего такого... даже кофе у меня нет... но пассаж про закат действительно неплох... да...

Он так резко перешел от крайнего высокомерия к крайнему смущению, что Аде невольно захотелось его подбодрить.

— Вы генетик, да? Что, в ваше время все еще ставят опыты на дрозофилах, или нашли кого-то, кто плодится быстрее?

— Мэм, вы в детстве все школьные энциклопедии прочли или парочку все же не успели? — спросил ехидный голос за ее спиной.

— Я не могу ответить на этот вопрос быстро, Шестой, — хмыкнула писательница. — Если тебе действительно интересно, обсудим это позже...

— То есть на вопрос про дрозофил, по-вашему, ответить проще? — усмехнулся Девятый, кажется, ему удалось преодолеть приступ смущения.

— По-моему, на него все-таки возможно ответить односложно, — теперь Ада несколько смутилась.

— В таком случае мой ответ: и да, и нет... — генетик щелкнул Аду по носу и направился к остальным. — Если хотите подробностей, обсудим это позже.

И отчего-то у писательницы осталось стойкое чувство, что он и Шестой закадычные приятели.

К этому времени ей так же начало казаться, что одна пара глаз следит за ней особенно пристально, ни на секунду не выпуская из поля зрения, запоминая каждое движение. Она повернулась к источнику ощущения и встретилась с почти мечтательным взглядом. Этот парень определенно был рад наблюдать объект в специфических условиях...

Доказательств у Ады, конечно, не было, однако она решила рискнуть.

— Одиннадцатый, — предположила она. — Искусственные и синкретические интеллекты...

Парень кивнул и молча направился к распознанным. Ада почувствовала себя так, словно маленькая блестящая рыбка выскользнула у нее из рук и исчезла в таком же серебристом потоке. Нет, так не пойдет — она должна что-то запомнить о каждом!

— Постойте, — позвала она. — Могу я услышать ваш голос?

Парень виновато улыбнулся и покачал головой.

— Но ты ведь не...

Досказать вопрос писательница не успела — Одиннадцатый открыл рот, языка на месте не оказалось.

— Голосовых связок у него тоже нет — были удалены в ходе эксперимента, — сообщил док.

Ада сильно смутилась, но не сдалась.

— Тогда ваши мысли, — предложила она.

«Прости, но я редко облакаю свои мысли в слова...» — услышала она у себя в голове.

— Я тоже, — улыбнулась Ада. — Надеюсь, мы подружимся...

«Это был бы интересный опыт», — откликнулся Одиннадцатый.

— Я тоже так думаю, — кивнула Ада, повернулась к оставшимся и тяжело вздохнула: — О-хо-хо... теперь самое сложное. Поэтому, капитан... — она положила правую ладонь на голову Нулевого. — И его старший помощник, — она положила левую на макушку старпома. — Покиньте шеренгу, пожалуйста. Вы меня отвлекаете...

— Мы требуем пояснений, — скривился Второй.

— Но Одиннадцатого я тоже не поясняла... — заметила писательница.

— Да у Одиннадцатого такой взгляд, что его даже слепой заметит... — проворчал старпом. — Давай, давай — объясняй. Это приказ!

— Как скажете, — пожала плечами Ада. — У капитана неподражаемо непроницаемо строгое выражение на лица, а вы, сэр, с самого начала на меня волком смотрели — как на источник мирового зла... так пойдет?

— Пойдет, — буркнул Второй, присоединяясь к капитану и другим распознанным парням.

Ада вернулась к оставшейся четверке.

— Инженеры, — вздохнула она. — Два генетика и два кибернетика...

— Не заморачивайся, — улыбнулся второй парень справа. — Ты и так хорошо постаралась.

— Но... — начала было возражать Ада.

Парень поднял руки, пресекая попытку.

— Я Третий. И я лучшей геймер в команде...

— Гораздо важнее, что ты наш лучший пилот, — хмыкнул капитан.

— Наверное, шутеры предпочитаете... — предположила Ада.

— Ну да, — переступив с ноги на ногу, согласился Третий, он вообще обладал более активной мимикой и жестикуляцией, чем остальные. — А ты, должно быть, любишь РПГ.

— Ну, в общем, да, но с чего ты так решил?

Третий пожал плечами.

— Ну просто такой типаж, для которого атмосфера и сюжет важнее напряженного действия и острых ощущений, — он смущенно отвел глаза, а затем вдруг резким жестом

обнял парня рядом с собой. — Вот этот краснеющий по любому поводу скромняга — Четвертый.

Четвертый действительно покраснел как помидор.

— Но он может не только краснеть — он еще и классный повар, — продолжал представление Третий. — Марго за пояс заткнет без проблем, честное слово!

— Прекрати, Третий, — Четвертый попытался вывернуться из цепкой хватки коллеги. — Я действительно иногда готовлю в свободное время, но в этом нет ничего такого...

— А еще он старший кибернетик на корабле, — радостно перебил его Третий.

— Даже удивительно, как ты смог запомнить такую мелочь, — поддел его капитан.

— Это было нелегко... — вздохнул Третий. — Но я очень старался. Остались генетики. Хмурый мальчик с отрешенным взглядом, это Восьмой — глава биоинженеров. Он так любит музыку, что даже смог уговорить Второго научить его играть на скрипке. А Второй у нас и так парень несговорчивый, а когда речь заходит о его особенных знаниях, вообще становится неумолим...

— Я учту... — протянула Ада.

— Ну и Десятый, — Третий обнял названного свободной рукой.

— Этот парень предпочитает помогать доку в его исследованиях, чем заниматься своей собственной работой. Впрочем, док всегда компенсирует это, заканчивая работу за него... Хочешь, мы четверо снова перемешаемся?

И, не дожидаясь ответа, они перемешались.

Первым Ада вычислила все еще пунцового главного кибернетика со склонностью к готовке. Потом покачивающегося на носках от нетерпения пилота-любителя шутеров. Затем кислого главного генетика, по слухам, любившего играть на скрипке. И последним остался приятный увлеченный медициной парень без особых примет.

Писательница улавливала обрывки приличных и не очень мыслей в свой адрес, но в целом команда была настроена дружелюбно и искренне наслаждалась происходящим.

— Ну не так плохо, как могло бы быть... — проворчал старпом.

— А то эта рыжая дура, которую нанял капитан, не заметила разницы, даже когда мы все по очереди с ней переспали...

— По очереди? — не поверила своим ушам Ада.

— Точно, — показал ей язык Шестой. — Все, кроме дока и капитана, за них старпом отыграл — он у нас профессионально стили подделывает... ой!

Тяжелый кулак старпома с чувством опустил на его голову.

— И вы, парни, совершенно уверены, что это была хорошая идея?.. — поморщилась писательница. — Нет, я, конечно, понимаю, что она ведет себя так, будто сама напрашивается на неприятности. И желание подшутить тут вполне естественно, но не слишком ли далеко вы зашли...

— О!.. — протянул старпом, в несколько движений оказываясь рядом с ней. — Кажется, наша домашняя девочка никогда еще не сталкивалась с по-настоящему злыми шутками!

— Я не отрицаю, что можно было придумать что-нибудь похуже, но зачем?! — Ада заставила себя выдержать злющий взгляд Второго.

— Да что ты понимаешь?! — рявкнул старпом.

— Ну так объясни! — вскрикнула писательница, хорошо маскируя свой испуг под возмущение.

— Сейчас объясню!.. — прорычал Второй, выкручивая Аде руку.

Та пискнула от боли.

— Прекратите сейчас же, старпом, — тихо, но угрожающе проговорил капитан. — Вы ведете себя как... плебей...

Второй отвернулся и, отбросив руку писательницы, сделал шаг в сторону.

— В карцер шагом марш, — мрачно приказал Нулевой.

— Вас понял, — буркнул старпом и развернулся на каблуках.

«Отличное начало отношений с непосредственным шефом...» — устало подумала Ада и сделала отчаянную попытку исправить положение.

— Но я ведь тоже неправа, капитан... — быстро выговорила она.

— Вся это история с Марго вне моей компетенции. Мне определенно не стоило высказывать свое мнение, да еще в таком тоне...

Старпом на минуту остановился и наградил Аду таким взглядом, что сразу становилось ясно — ничего хорошего он о ней не думает.

— Считаешь, что у тебя есть шанс решить это дело миром? — хмыкнул капитан.

— Не важно, есть ли у меня шанс, сэр. Старпом мой шеф — значит, я должна.

— И все же как ты оцениваешь свои шансы?

— Это сложно объяснить, — вздохнула Ада, инстинктивно потянувшись запустить пальцы в волосы, но пальцы коснулись прилизанной прически, и она раздраженно опустила руку. — Можно я анекдот расскажу?

Глаза команды алчно заблестели. Даже док словно бы случайно в задумчивости подошел поближе. Большинству киборгов нечасто доводилось слышать анекдоты.

— Ладно, рассказывай, — словно бы с неохотой согласился капитан, отводя глаза, но писательница все же успела уловить в них тот же самый блеск.

— В общем, так, — начала Ада. — Вы знаете, что такое слон?

Двенадцатый сразу же выдал информацию по слону.

— Слишком много, — вздохнула Ада. — Суть в том, что это животное, которое не водится в наших широтах. В общем, проводили соцопрос «Какова вероятность встретить слона на улице?». И все мужчины говорили разное, но где-то от двух до пятнадцати процентов, а все женщины говорили, что вероятность пятьдесят процентов. И вот социологи решили узнать у одной, почему такая большая вероятность. А она им отвечает...

— «Либо встречу, либо нет», — закончил за нее Второй. — Старый анекдот, только в моем варианте не слон был...

— Если ты нам свой вариант до сих пор не рассказал, теперь точно можешь промолчать, — поджал губы капитан.

— Да, сэр.

— Кстати, почему ты до сих пор здесь?

— У меня возникло чувство, что сейчас меня вернут... и я вернулся... — ответил Второй, безучастно рассматривая носки своих ботинок.

— Думаю, во всем случившемся есть и моя вина, — вздохнул капитан. — Я должен был заранее предупредить, что старпом самая неуравновешенная личность на судне. Просто раньше он не бросался на женщин, и я подумал, что и на этот раз обойдется...

— Раньше женщины не пытались вступать со мной в дискуссию, — буркнул старпом. — И в глаза смотреть не старались...

— Хорошо, нестабильный ты наш, — вздохнул капитан. — Даю последний шанс стать

джентльменом. Интерфейс для андроида написан на языке Федерации. В стандартном режиме СУ должен был взаимодействовать с ним, но СУ невменяем. Более того, он блокирует наши попытки настроить интерфейс снаружи. В аварийном режиме подготовительные работы могут проводиться пилотом. Но наш пилот не знает языка Федерации, а при прямой синхронизации словарь включить невозможно. А теперь, мой дорогой старпом, догадайтесь, что именно от вас требуется.

— Хотите, чтобы я обучил девчонку... простите, стажера стандартным командам интерфейса.

— Лучше выучить ее всем возможным языковым командам, — заметил капитан. — Командному мостику тоже придется с ней как-то связываться...

— Я действительно не думаю, что эта хорошая идея, кэп, — подал голос психолог. — В данный момент эмоциональный дисбаланс у старпома превышает максимально допустимый в среднем на двадцать процентов, а в пиках на сорок пять...

— Полностью согласен с коллегой, — поддержал Седьмого док, становясь рядом. Одиннадцатый ничего не сказал, однако кивнул очень решительно, становясь с ними плечом к плечу.

— Послушайте, вы трое, — поджал губы капитан. — Кажется, это вы писали заключение о том, что в таком состоянии все еще можно работать...

— Мы, сэр, — кивнул психолог. — Но там ничего не говорилось о работе с людьми...

— А я и не человек теперь, — вмешалась Ада. — Я права, шеф?

Второй смерил ее раздраженным взглядом, но ничего не сказал.

— Вы можете использовать мой кабинет, — сказал капитан. — На этом все. Все могут приступить к выполнению своих обязанностей.

По залу пронесся обеспокоенный шепоток: кажется, команда в целом поддерживала мнение трех специалистов.

— По-моему, я сказал разойтись, — угрожающе прищурился Нулевой.

Команда рассосалась практически мгновенно.

Остался лишь Одиннадцатый, который почти сразу подошел к капитану и деловито взглянул ему в глаза.

— Интересная мысль, — кивнул капитан. — Идем, посмотрим.

И они направились к андроиду, обмениваясь на ходу фразами, из которых были слышны только реплики капитана.

Ада нерешительно повернулась к старпому.

— Идем, стажер, — буркнул тот и направился к одной из дверей.

Писательница облегченно выдохнула и поспешила следом.

— И все же я рада, что вы не человек, — пробормотала она себе под нос.

— Это еще почему? — на ходу глянул на нее Второй.

— Человек с вашим темпераментом просто бросил бы меня там и ушел, хлопнув дверью...

— В этом нет смысла, — передернул плечами старпом.

— Бессмысленные поступки во вред себе всегда были отличительным признаком человечества, — усмехнулась Ада. — Даже анекдот такой есть. Двое соседей постоянно ссорились. Богу это надоело: он решил их помирить и говорит одному из соседей: «Я выполню любое твое желание, но с условием, что твой сосед получит это вдвойне», а тот ему отвечает: «Выколи мне глаз!»

— Тебе обязательно все это говорить? — ледяным тоном поинтересовался старпом.

— Ну... в общем... желательно, — несколько смутилась писательница. — Лучше все время болтать с умеренной интенсивностью, чем один раз конкретно вспылить. Постоянно сдерживаться вредно для нервной системы...

— Так тебя это успокаивает?

— А вас нет?

— В данном случае нет...

— Все понятно, сэр, — вздохнула Ада. — Буду молчать.

Таким образом, до капитанского кабинета добрались в гробовой тишине. Когда же они наконец оказались внутри, Второй с треском захлопнул дверь и уселся на стол, так что его лицо оказалось почти на одном уровне с лицом писательницы.

— Прежде чем мы начнем... — медленно проговорил он. — Ты сказала, что тебе что-то стало понятно, стажер. Могу я узнать, что именно?

— Я вам не нравлюсь, сэр, — вздохнула Ада, садясь в кресло, так что теперь ей приходилось смотреть на Старпома снизу вверх. — Вы четко это для себя решили и не собираетесь ничего менять.

— Не нравишься? — скривившись переспросил Второй.

Букет его сильных, противоречивых и не слишком приятных чувств бил Аде по нервам, заставляя сидеть, словно на иголках.

— Да, сэр, — кивнула она. — По некоторым вашим фразам и действиям можно заключить, что вы вообще склонны к женоненавистничеству. И все же я полагаю, что основной причиной является беспокойство за команду и капитана. Вы опасаетесь, что последний может потерять хватку, что ребята начнут вести себя кое-как, и в конечном счете вы потеряете стабильность, которой с таким трудом добились...

— И ты хочешь мне сказать, что опасения беспочвенны? — хмыкнул старпом.

— Отнюдь, — с грустью признала Ада. — Опасность, безусловно, существует. Однако жизнь вообще штука опасная — того и гляди кирпич на голову упадет, а потом очнешься через тысячу лет на каком-нибудь полувоенном корабле, полном киборгов...

Второй нахмурился.

— Это не смешно, — тихо проговорил он.

— Вы правы, — криво улыбнулась она. — Это не смешно — это страшно, сэр. Очень. И хуже всего то, что страх зачастую куда опаснее обстоятельств, что его вызвали. Хорошо, когда страх предупреждает об опасности. Однако куда чаще он замутняет взгляд, заставляет нас действовать опрометчиво...

— Философствуешь.

— Так точно. Это успокаивает.

— Ты хоть понимаешь, что капитан влюблен в тебя?! — Второй спрыгнул со стола и, упершись ладонями в подлокотники кресла на котором сидела Ада, посмотрел ей прямо в глаза.

Писательница бы порадовалась, что под гримом не видно, как ее лицо заливают краской, но понимала, что собеседник на таком расстоянии прекрасно чувствует ее смущение.

— Ну... я... — проблеяла писательница. — Могу допустить такую возможность.

— Другими словами, ты догадываешься — догадываешься, но продолжаешь флиртовать с другими парнями! Ты хоть понимаешь, что он должен чувствовать? Ты знаешь, что случится, если он потеряет контроль над собой?

— Во-первых, сэр, я ни с кем не флиртую, — поджала губы Ада. — Капитан приказал мне выстроить доверительные отношения с командой, и я их выстраиваю. Во-вторых, наш капитан достаточно умен, чтобы получать от ситуации не только отрицательные, но и положительные эмоции, уравнивая таким образом свое состояние...

— Думаю, даже ты согласишься, что куда надежнее вовсе избегать эмоций, — процедил старпом.

— А вот это нет... — усмехнулась Ада. — Сначала я тоже думала, как вы... и пробовала... пробовала и снова пробовала. В общем, цепочка экспериментов показала, что при таком подходе исчезают только положительные эмоции, тогда как отрицательные остаются на месте. А это делает нас в каком-то смысле беззащитными...

Договорить она не смогла, потому что в этот момент Второй со стоном накрыл ее губы своими и страстно поцеловал.

Ада замерла. Ей не слишком нравился этот сценарий (даже несмотря на то, что целовался Второй отменно). Однако отступить ей было особо некуда. Так что, подумав, что на помощь успеет позвать в любой момент, она решила подождать и попробовать аккуратно выкрутиться из ситуации.

Но сохранять трезвую голову было не так-то просто. Судя по ощущениям, эмоциональная нестабильность старпома набирала обороты, да и у нее самой уже начинала кружиться голова. Наконец, тяжело дыша, Второй отстранился.

— Пытаетесь сказать, что волнуетесь не только о капитане, сэр? — Ада заставила себя смотреть ему прямо в лицо.

Второй прикрыл глаза и потянулся губами к ее уху.

— Что ты ответишь, если я скажу, что уже много лет занимаюсь любовью с капитаном? — хрипло прошептал он.

«Это не просто галлюцинация, — подумала писательница. — Это какой-то тяжелый наркотический бред...»

Но вслух произнесла только:

— Думаю, в отличие от Марго, вы не могли ошибиться касательно того, с кем спите... — она горько улыбнулась. — Похоже, в этом деле замешана ревность, сэр...

Ответом ей послужил еще один долгий поцелуй. На этот раз собеседник влез на кресло, стиснув коленями ее бедра. Однако он не делал резких движений, не пытался срывать с нее одежду или что-то подобное, и Ада решила не сопротивляться. Но отвечать и вообще участвовать в этом она тоже не собиралась. Надо показать, что она понимает — ему тяжело, и не сердиться, но не более того...

— Только никак не могу понять: кого вы ревнуете... — тяжело выдохнула она, когда ей наконец дали передышку. — Меня к капитану или капитана ко мне...

Ее снова поцеловали. Но на этот раз поцелуй был коротким и даже каким-то вопросительным.

— Или вы боитесь, что мы с капитаном споемся и оставим вас за бортом? — выдвинула новое предположение Ада.

Старпом же в это время с выражением невероятной муки на лице выуживал заколки и шпильки из ее волос...

— Хочу тебя... — хрипло простонал он, зарываясь пальцами в рассыпавшиеся волосы. — Еще с того момента, когда впервые увидел в капсуле во время стабилизации жизненных процессов...

С одной стороны, писательница чувствовала, что он не шутит, с другой — ей не верилось в такое фатальное увлечение с первого взгляда.

— В таком случае вы очень впечатлительны, сэр... — пробормотала она, слегка отодвигая лицо, желая намекнуть таким образом, что лучше бы больше ее не целовать.

Второй тихо и очень грустно рассмеялся. Кажется, злости в нем больше не осталось.

— Тебе незачем щадить мои чувства, детка, — сказал он. — Можешь прямо сказать, что я шлюха...

— Зачем же сразу так грубо... — смутилась писательница.

— Потому что это правда. Я — профессиональная куртизанка...

— Но ты ведь парень, разве нет?

— Да, черт возьми! — выдохнул старпом, резким движением привлек ее к себе и принялся яростно осыпать ласками.

— Стажер, мэ... — прозвучал в воздухе голос Двенадцатого. — Позвольте мне обратиться к капитану за помощью...

— Спасибо за заботу, — тяжело вздохнула писательница. — Но не сейчас. Как только мне понадобится помощь, я лично тебя попрошу...

Второй замер.

— Чего ты добиваешься? — устало спросил он, ткнувшись лбом Аде в грудь.

— Вы мой прямой начальник, сэр. Следовательно, я должна вникнуть в ваше положение, иначе мы просто не сможем вместе работать... — писательница осторожно положила ладонь на его плечо. — И будет лучше, если вы сами введете меня в курс дела — моя женская интуиция говорит, что это сильно облегчит наши отношения в будущем...

— Мое положение... — с легкой досадой пробурчал старпом, устраиваясь поудобнее. — В данный момент я занимаю положение на коленях одной окаменевшей от ужаса дамы, которая тем не менее пытается разговаривать со мной на равных... чувствуй я себя чуть лучше, я бы счел это одним из самых забавных своих приключений...

— Это не ужас, сэр...

— Нет?

— Нет. Это попытка сохранять лояльность и нейтралитет в переговорах, где ни одна из сторон не должна пострадать...

— Тебе нужно было стать политиком...

— Нет уж, спасибо. Острых ощущений от наших переговоров мне хватит еще лет на двести, а если я опять законсервируюсь где-нибудь в тихом темном месте, то, может, и на две тысячи...

— Ладно, слушай... — вздохнул Второй. — Еще в эмбриональном состоянии у меня был низкий порог чувствительности и предрасположенность к эмоциональному дисбалансу. Меня должны были уничтожить как брак. Но какой-то умник решил, что с такими показателями я могу стать весьма популярен в качестве профессиональной куртизанки, и оказался прав... Я не просто был популярен — я стал элитой. Меня хотели самые высокопоставленные люди Федерации, а это дает некоторые преимущества — образование, например. Я получил отменное образование: литература, музыка, театр и множество других вещей, которые я теперь ненавижу... — он зажмурился. — Ты бы тоже ненавидела, если бы тебя заставляли декламировать, в то время как кровь закипает под воздействием наркотиков...

Ада больше не могла слушать безучастно: она осторожно приобняла Второго и нежно

погладила тонкое дрожащее плечо. Кажется, тот этого даже не заметил.

— Но это ерунда, — продолжал старпом. — Базовая подготовка куда неприятнее. И ее проходят все киборги, предназначенные для этой профессии. Как результат, метаболизм буквально сходит с ума. Я возбуждаюсь от одного прикосновения, я буквально на стенку лезу даже от запаха какого-нибудь слабого афродизиака, который обычные люди ложками в суп сыплют в качестве приправы...

Писательница осторожно коснулась губами его лба. Боль и отвращение к самому себе, излучаемые этим существом, были почти нестерпимы. И она попыталась перенаправить его мысли в более позитивное русло.

— Я рада, что вы смогли из этого выпутаться. Могу я узнать, как вам это удалось?

— По большей части это заслуга капитана, — вздохнул Второй. — Мы встречались пару раз во время... вечеринок, где таких, как мы, подают в качестве угощения...

Ада с ужасом заметила, как его тело будто против его воли изгибается, реагируя на каждое движение ее руки. Она замерла. Второй задохнулся на полуслове и тяжело застонал.

— Пожалуйста... — с трудом выдавил он. — Продолжай — это так... успокаивает.

— Вам точно не становится хуже? — почему-то шепотом спросила она.

— Точно нет, — откликнулся тот и, потянувшись, коснулся носом ее подбородка. — Я чувствую, что в твоих действиях нет похоти. И никто раньше не пытался доставить мне удовольствия только ради того, чтобы поддержать... это безумно приятно. Возможно, позже я пожалею, что позволил себе расслабиться, но сейчас у меня больше нет сил бороться... — И он закрыл глаза, постанывая от каждого ее движения.

Писательница и сама была словно в дурмане. Чувства и мысли старпома диковинным образом переплетались с ее собственными, вызывая боль и эйфорию одновременно.

— Только давайте постараемся не разложиться окончательно, — тихо попросила она. — А то мы поставим капитана в неловкое положение, а мы вроде оба ему обязаны...

— Это верно, — согласился старпом. — И, кажется, я как раз рассказывал, как это вышло в моем случае... — он чуть подтянулся, чтобы заглянуть Аде в глаза. — Хочешь послушать окончание истории?

— А можно? — неловко улыбнулась Ада.

Взгляд Второго затуманился, и он снова потянулся к ее губам.

— Сейчас я бы хотел умереть ради тебя... — горячо выдохнул он в них.

— А вот этого не нужно, — писательница осторожно вставила свою ладонь между их ртами. — Вы нужны мне живым, здоровым и очень желательно — счастливым.

Лукаво прищурившись, Второй дважды поцеловал ее ладонь, причем оба раза несколько эротичнее, чем следовало.

— Когда ты собираешься перейти на ты? — с улыбкой спросил он.

— Это прозвучит глупо... — еще больше смутилась Ада. — Но видите ли, мы все еще на работе, сэр...

— Хочешь, чтобы я навестил тебя вечером визит, и мы выпили на брудершафт? — поинтересовался Второй с прежним лукавством.

— Вообще-то я не против, — мягко улыбнулась Ада. — Но я вынуждена поставить условие...

Старпом мгновенно напрягся.

— Попробуй, — натянуто ответил он.

— Видите ли, я чувствую, что должна быть в трауре какое-то время. И если пойду

против этого чувства, то точно не смогу взглянуть в глаза своему отражению... — она невесело улыбнулась. — Поэтому я вынуждена просить вас не заходить слишком далеко...

— Это лучше, чем я думал, но одновременно гораздо больше... — пробормотал старпом, тяжело опускаясь писательнице на плечо. — Я собирался идти против правил, но теперь мне совершенно расхотелось торговаться...

— Простите меня, — ее печаль была велика, но и она отступала под наплывом куда большего отчаяния. — Я понимаю, что у члена «черного состава» нет права на траур. Но если вы пойдете на эту небольшую уступку, хотя бы до конца месяца, то я до конца жизни буду у вас в долгу...

— «До конца жизни»... — протянул Второй, словно пробуя слова на вкус. — Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой...

— Не так уж и хорошо... — повела плечами Ада. — Я согласилась попытать счастье с Джейком, но я хорошо его знаю и не могу не понимать, что умру, если удача отвернется от меня. Поэтому я скорее всего вообще не смогу отплатить за терпимость...

Старпом сдвинул брови и на мгновение стал очень похож на Нулевого.

— Я должен обсудить все это с капитаном, — хмуро сказал он.

— Да, вы должны, — серьезно согласилась Ада, ободряюще пожав плечо собеседника.

В ответ ее окатило новой волной его смешанных чувств. Однако на этот раз они все же были скорее положительными.

— Как ты думаешь, стажер, — прошептал Второй, в то время как его взгляд снова слегка помутнел. — Чисто теоретически... могла бы такая женщина, как ты, полюбить такого парня, как я...

[Купить полную версию книги](#)